

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Дорогая моя...

Рассказ

Ну, а если говорить об общем течении жизни, то, конечно, скорее, был доволен, чем недоволен, нечего Бога гневить. Все пока шло неплохо. А когда смутные, тревожные мысли, прищипанные скукой, подступали к сердцу, брали за горло, можно было выйти из дома, пойти в скверик с памятником писателя посередине, окольцованном пахучими кустами резеды, с редкими торчащими из них провинциальными розами, где в хорошую погоду собирались соратники и соперники по нардам и домино, единовверцы по безделью, утверждавшие, что безделье, вопреки общепринятому мнению, удлиняет жизнь. Опять же – телевизор в ненастные дождливые дни, мир животных, пожирающих друг друга, обедающих друг другом, гораздо более интересный и честный, чем мир людей; книги, сохранившие своих редких приверженцев, странноватых чудаков, казалось, напрочь оторванных от современного мира; приятное, почти ежевечернее времяпрепровождение в интеллигентной компании за карточной игрой, заканчивавшейся далеко за полночь и ставшей неотъемлемой частью его жизни за долгие годы...

Порой он выходил на необъятные просторы интернета, просматривал ленту на Фейсбуке, не втягиваясь глубоко и каждый раз убеждаясь, что мир не изменился – число кретинов по-прежнему гораздо больше, чем умных, хотя бы просто потому, что умные обычно незаметны и любят молчать. Нет, все неплохо... не так уж плохо... От добра добра не ищут...

Тут Р. задумался: от какого добра? Эти поговорки, видимо, не находившие другого простофилю, липли к нему десятками, крутились в голове порой часами как старые мотивы, и вытравить их оттуда было делом нелегким – они основательно, прочно оседали и обживали вакуум в мозгах. Р. задумался. О чем он думал? Кто его знает, но задумался. Р. Р-р-р-р... Книга выпала из ослабевших рук, стукнула жестким ребром по животу, шмякнулась обложкой на пол. Он разлепил глаза... кажется, задремал. Полежал с открытыми глазами, и вдруг это опять нахлынуло.

Жизнь пуста, моя жизнь пуста, – подумал Р. Поежился от мгновенно охватившего все тело, все существо его холода, повернулся на другой бок. Не помогло. Холод крепчал.

От нечего делать и желая хоть что-то изменить в существующем укладе будней (что интересно, с недавних пор все дни его стали выходными, свободными, так сказать, воскресеньями, но своей сиамской схожестью напоминали они не праздники, а, скорее, будни) Р. сбрил бородку и усы, что носил вот уже несколько лет, подстригая аккуратно и любовно ухаживая за сей пожухлой осенней растительностью. Какое-никакое, а было занятие. Сбрил. Теперь его губы готовы к поцелуям. Осталось только найти объект, алкавший лобызать его обновленные уста. Р. терпеливо плыл по течению, боясь решительных действий, непредвиденных случайностей, и только слабо, вяло желал изменить это течение, ничего для этого не предпринимая.

Но случай подстерег его: на шестьдесят третьем году жизни Р. постигло несчастье – он влюбился.

«Как я счастлив, – думал он, засыпая, думал он, просыпаясь, – как я счастлив,

как долго ждал...»

Он врал самому себе – не ждал, просто случилось. В жизни он много любил, много и часто влюблялся. Из многих и многих любовных приключений в его жизни ни одно не заканчивалось удачно – все они заканчивались предательством, изменой, разрывом, слезами, дикими скандалами или же, напротив, – тихим, непостижимым для него исчезновением из его жизни той или иной женщины.

Теперь он понимал, что во всех, во всех – хоть и давно перестал страдать юношеским максимализмом и старался ничего не утверждать категорично – но во всех этих неутешительных финалах была его вина, вина его неугомонного характера, его себялюбия, его честолюбия; и был страх перед одиночеством и боязнь, что это одиночество у него отнимут.

Теперь он влюбился. Влюбился по-настоящему, как ему казалось, раз и навсегда, хотя грозное слово «навсегда» постепенно утрачивало свой смысл, учитывая возраст, блекло, как картина на солнце, написанная некачественными красками.

Сейчас он пойдет в парикмахерскую и побреется, хотя он брился утром, как обычно, но теперь семь часов тридцать минут вечера, а в восемь у Р. свидание с его возлюбленной. Она пока еще не знает, что возлюбленная, да и он не совсем уверен, если пораскинуть мозгами – не совсем уверен, но если пораскинуть сердцем (если только можно так выразиться, но поздно – я уже выразился), он чувствовал все это главным органом своего тела – влюблен, хотя ему предстоит всего лишь третий раз увидеть её, и на этот третий раз при встрече он намерен преподнести ей букет цветов и кое-что еще, но это пока секрет.

Она послушно, с терпеливым видом стояла возле подземного перехода с эскалатором, приносящим и уносящим экс-пешеходов, временно превратившихся в стоячих пассажиров; здесь они договорились встретиться. На ней было темно-бордовое платье из известного в городе бутика, очень скромное и дорогое, эксклюзивность которого мог бы заметить только наметанный взгляд. Он был немного разочарован. Ему хотелось, чтобы одета она была в некотором роде вызывающе, ярко, что наверняка молодило бы её, чтобы притягивала взгляды, чтобы мужчины и даже женщины оборачивались ей вслед, тогда он был бы горд, отчасти удовлетворив свое мелкое, мелочное тщеславие. Но она и без того выглядела молодожавой в этом платье. Минимум косметики, короткое жемчужное ожерелье у самого горла. Он вдруг поймал себя на том, что, кажется, беспричинно, по-идиотски улыбается, подходя к ней с букетиком из трех алых роз. Ярко-красные розы, как помада на её губах, вот кстати пришлось: её туфли, её помада и цветы – это все ярко-красное.

Она, завидев приближавшегося Р., тоже улыбнулась, и улыбка оставалась на её холеном, ухоженном лице, пробудив к жизни две предательские морщинки по краям губ, пока он приближался.

– Добрый вечер, – сказал он, сопровождая слова кивком. – Я не опоздал.

– Да, я пришла чуть раньше, закончила дела, – сказала она, принимая от него букет. – Спасибо, очень красивые.

– Это ребята из моего села, – сказал он, неопределенно кивая куда-то, предположительно в сторону села. – Продавцы цветов. Там самые лучшие розы.

– Вы же говорили, что городской, – сказала она, хитро прищурившись. – Обманывали?

– Нет, что вы. Я родился в городе, но отец мой родился и до десяти лет жил в селе. Наши корни оттуда. Возьмите меня под руку, – сказал он, коснувшись локтем её руки.

– Мы, кажется, в прошлый раз перешли на «ты», – сказала она не очень уверенно, взяв его под руку. – Или нет?

– Перешли, – подтвердил он. – Но мне хотелось, чтобы мы это сделали снова. Она улыбнулась.

– Мне нравится, – сказала она.
Он помолчал, ожидая продолжения, оно не последовало. Тогда он спросил.
– Нравится – что?
– Как вы разговариваете. Ваша манера.
– Хорошо, – сказал он. – Мне тоже.
– Ну как, еще раз перейдем на «ты»? Или рано?
– Нет, в самый раз. Ты, ты, ты.
– Как приятно, правда? – сказала она.
– Да, ты права. Мы могли бы и завтра перейти на «ты».
– Мы можем каждый день переходить, – сказала она.
– Посидим в кафе, пока не началась эпидемия? – спросил он, когда они проходили мимо открытой веранды кафе на площади.
– Что? – спросила она, удивленно глянув на него: не ослышалась? Не шутит?
– Я не поняла. Пока не началось что?
– Я могу видеть будущее, – признался он просто, насколько просто можно было сказать подобную фразу. – Скоро весь мир охватит эпидемия, появится неизвестный вирус... И на наш богоспасаемый город тоже обрушится. Закроются рестораны, кафе...
– Не-ет, – протянула она с улыбкой. – Вы шутите? Ты шутишь?
– Да, шучу, – сказал он. – Потому что ничего не могу сделать, чтобы предотвратить. И доказать не могу.
– Любишь черный юмор?
– Нет, – сказал он. – Не люблю... но все будут ходить в черных масках, я это вижу достаточно ясно, и что хуже всего, женщины будут прятать губы, вот, кстати, такие восхитительные, как у тебя...
– А ты узнаешь женщин по губам? – тихо, переливчато рассмеялась она.
– Еще как узнаю, – сказал он, шутливо выпятив грудь и впившись глазами в её губы. – Но вообще-то у меня есть и хорошая новость: начнется война...
– О-о! Обрадовал... Час от часу не легче...
– И мы победим. Прогоним захватчика со своих земель, освободим Карабах, Шушу, все наши земли, разобьем врага в пух и прах...
– Ты правда это видишь? – она готова была уже поверить ему, потому что он говорил вполне серьезно, и не станет же взрослый, пожилой человек шутить такими вещами. – А когда это произойдет?
– Я сроков не вижу, но будет, будут оба события, и плохое, и хорошее...
– С тобой страшно разговаривать, – сказала она после долгой паузы, пристально вглядываясь в его лицо.
– Это редко случается со мной, но два эти события я увидел отчетливо.
– Во сне?
– Не совсем... непонятно как... может, и во сне, но не совсем во сне... Это невозможно объяснить, мозги вывихнешь... Ладно, хватит, я редко с кем делюсь этим, чтобы не отправили в психушку, и с твоей стороны продвигу шквал вопросов. Но скажи главное: ты мне поверила?
– Да, – ответила она, не раздумывая.
– Вот это главное, – сказал он, – И потому я теперь хочу сказать тебе кое-что важное... Важное для меня, – уточнил он, – и это лучше сделать, сидя за столиком. А заодно выпьем пива. Пиво любишь?
– О-о! – произнесла она, улыбаясь. – Заинтриговал.
– Пивом?
– Нет, тем, что лучше делать, сидя за столиком.
– Звучит неплохо, правда? – сказал он.
– Двусмысленно, – сказала она и, словно пожалев о своих словах, спросила: – Я не очень вульгарна?

– Что ты! Мне нравится.

Они пошли к свободному столику на открытой веранде кафе и уселись друг против друга.

– Вот, – сказал он, вытащив из кармана и протягивая ей маленькую коробочку.

– Это тебе.

Она взяла коробочку, повертела её в руках.

– Можно открыть? – спросила она.

– Открой, открой, – сказал он.

Торопливо подошел официант, но он отослал его, махнув рукой.

– Попозже, – сказал он официанту.

– О-о! – теперь уже со сдержанно-восторженными нотками в голосе протянула она, разглядывая золотое колечко с мелкими кроваво-красными рубинами в ряд. – Но...

– Нет, нет, – перебил он её.

– Что – нет, нет? – спросила она.

– Никаких возражений, – сказал он. – Только восхищение.

– Ясно, – сказала она, продолжая разглядывать колечко. – Но все же, мне кажется, вроде рановато для таких дорогих подарков.

– Кто это сказал?

– Я. Только что.

– Не могу согласиться, – возразил он. – Потом может быть поздно для дорогих подарков.

– А, вот ты как! Ну ладно, тогда возьму.

И тут она долгим взглядом посмотрела на него, вначале взгляд её был внимательным, почти пронзительным, изучающим, но постепенно потускнел, стал рассеянным, потерял свою конкретную направленность, стал блуждать и наткнулся на официанта, ожидавшего, чтобы его подозвали. Кафе было полупустым, и официанты простаивали, болтали друг с другом вполголоса, посмеивались, переступали ногами, как застоявшиеся беговые лошади, соскучившиеся по скачкам.

Подошел официант, видимо, посчитав, что достаточно долго ждал в сторонке, и посетители уже готовы сделать заказ.

– Добрый вечер, добро пожаловать, надеюсь, что вам понравится наше уютное заведение, и вы станете у нас постоянными посетителями. Что будете заказывать?

Он, подняв голову, удивленно оглядел молодого официанта в аккуратном белоснежном фартуке на бедрах и подумал, что бы такое сказать, чтобы не спровоцировать очередной приступ его говорливости. Она, достав зеркальце из сумки, прятала за ним улыбку.

– Пиво, – сказал он полувопросительно, и нельзя было понять, спрашивает или заказывает.

– У нас пиво на любой вкус. Немецкое, чешское, местное, темное, светлое...

– Ты какое будешь? – обратился он к ней.

– На твое усмотрение, – сказала она.

– На ваше усмотрение, – сказал он официанту.

– Я принесу вам «эфес», вам понравится, – сообщил официант таким тоном, будто готовился сделать подарок этой весьма странной на вид паре: пожилой мужчина, которому, кстати, трудно было дать его годы, и зрелая женщина, прекрасно выглядящая, ухоженная и на вид намного моложе своего спутника, сколько бы ему лет ни было.

– И побыстрей, – сказал Р., предупреждая готовое извергнуться красноречие официанта.

– Бегу, – сказал тот и на самом деле убежал и скрылся в кухне, хотя ничего из кухни они не заказывали.

– Если мне не изменяет память... – сказала она, но он тут же её перебил.
– Как это неприятно звучит в твоём возрасте.
– Приятно или неприятно, но я продолжу, – сказала она. – Если мне не изменяет память, ты не сказал мне в прошлый раз, как тебя зовут. А? Или сказал?
– Нет.
– Тогда говори.
– Это так важно?
– Приехали, – она чуть развела руками, давая понять, что вопрос его попросту нелеп. – А сам ты как считаешь? Удобно нам встречаться, не зная друг друга по именам?
– Меня зовут Р. – сказал он.
Некоторое время она осмысливала услышанное.
– Просто Р.? – наконец решилась спросить она.
– Да, – сказал он. – Этого мало?
– Просто одна буква, или я ослышалась?
– Одна буква. Р. Рыба, река, русалка, расизм, реквием...
– Достаточно. Я поняла. А если все-таки расшифровать, или не рекомендуется категорически?..
– Нет, почему же? – сказал он. – Но для этого нужен небольшой экскурс в далекое прошлое. Видишь ли, мой отец был большим поклонником философии Рабиндраната Тагора, и когда я родился, имя уже было готово. Экскурс закончен.
– А как тебя звали близкие, когда ты был ребенком? – спросила она.
Вопрос был несколько неожиданным, он немного замешкался.
– Забыл? – она улыбнулась поощрительно.
– Наоборот, – сказал он, – теперь я все чаще вспоминаю свое детство... людей, которых уже давно нет... места, которые изменились до неузнаваемости... Становится грустно, – он глянул на её все еще улыбающееся лицо и тоже улыбнулся в ответ, настолько заразительной была её улыбка. – Это, наверно, признаки старения, да?
– Стареть скучно, – сказала она, – но это единственный способ жить долго.
– Здорово сказано! – сказал он. – Остроумно.
– Еще бы! – сказала она. – Бернард Шоу. Ну, молодой человек, как же звали вас в детстве, миную столь экзотическое имя?
– Робик, – ответил он.
– Робик, – повторила она. – Неплохо. Ласково. Лучше, чем полное имя. Мне нравится. Можно я тоже так буду?
– Конечно, – сказал он. – Хотя по возрасту мне вряд ли теперь подходит это сокращенное имя, да?
– Нет. Очень подходит, – сказала она. – Подходит к твоей интеллигентного вида кепке в мелкую клеточку, подходит к подобранной в тон ей рубашке с высоким воротником, подходит к седым вискам и красивым крупным рукам пианиста, к пахнущему от тебя дорогому одеколону «Саваж»... Однако ты прав, лучше я буду называть тебя Р. Кстати, можно узнать, чем ты занимаешься?
– Ты случайно почти угадала, когда перечисляла сейчас. Я джазист... Правда, бывший. Уже давно бросил, теперь у меня другая профессия, значительно больше поднимающая адреналин...
– И какая, можно узнать?
– Узнать можно, но вряд ли это тебя порадует, – сказал он шутливым тоном, слегка улыбнувшись.
– А что?..
Она хотела спросить: «А что такое?», но не успела, подошел официант с пивом и бокалами на подносе, молча поставил бокалы перед ними на стол, открыл бутылку пива, разлил аккуратно, поставил бутылку точно в центр стола и отошел молча, чего

от него никто не ожидал.

– Я люблю пить из тонких красивых бокалов, – призналась она. – Для меня это даже важнее, чем сам напиток. А ты, Р.?

Он несколько растерянно взглянул на неё, услышав свое имя в таком необычном звучании и желая еще раз послушать, проверить, как странно это звучит, произнесенное ею.

– Р., – повторила она, будто угадав его желание. – Приятно произносить. А слушать?

– Тоже... неплохо, – сказал он.

– Итак, ты меня заинтриговал, – сказала она, подняв бокал и поднося его к губам.

– погоди! – воскликнул он, осторожно взяв из её рук бокал и опустив его на стол.

– Что такое?

– Минутку. – Он подозвал официанта, вручил ему крупную купюру, что-то тихо сказал поднесшему ухо к самому его рту официанту, и уже громче добавил: – Только живо. Одна нога здесь, другая там.

– Любишь интриговать, – сказала она. – С тобой не скучно.

– Пока не пей из этого бокала, – попросил он.

– Ладно, не буду спрашивать, раз ты такой таинственный, – сказала она.

Очень скоро появился официант, запыхавшийся, и, переводя дыхание, поставил перед ней красивый хрустальный бокал.

– Я его тщательно вымыл после магазина, – заранее сообщил он и отошел.

– О! Я оценила, – сказала она. – Но он для шампанского, а не для пива.

– Возьмем шампанское, – сказал он.

– Ну, уж нет, – сказала она. – Сейчас мне хочется пива.

Он налил ей из бутылки в новый бокал, помолчали, выпили пива.

– Итак, чем ты таким занимаешься, что мне может не понравиться? Грабишь ювелирные магазины и даришь женщинам золотые кольца?

– А тебя как называли в детстве, которое было не так давно? – в свою очередь спросил он, стараясь уйти от ответа.

– О-о! – тихо воскликнула она. – Кажется, это был комплимент?

– Ну, – сказал он.

– Что – ну? – спросила она, хитро прищурившись, глядя на него, будто собираясь обмануть.

– Как звали?

– Я первая спросила: чем занимаешься? – в тон ему произнесла она. – Не уходи от ответа.

– Ты же отгадала, – сказал он. – Граблю магазины.

– Ладно, скажи серьезно, мне интересно, честно.

– Правда интересно?

– Конечно. Все-таки не мешает знать, с кем имеешь дело. Особенно если этот кто-то со второй встречи делает дорогие подарки.

– С третьей, – поправил он.

– Да, с третьей... Но учитывая поспешность и кратковременность первой, эту можно считать второй. Так что надо знать, кто эта загадочная личность. Вдруг я попаду в неприятную историю, – она тихо рассмеялась.

– Вообще-то и вторая профессия у меня... – он не договорил, помолчал и продолжил. – А занимаюсь я делом несколько предосудительным, нарушая одну из заповедей.

– Неужели убийца? – ахнула она шутливо.

– Нет, не настолько плохо.

– Говори честно, признавайся, – потребовала она.
– Ладно. Признаюсь честно и только потому, что с самого начала нашего знакомства решил ничего от тебя не скрывать.
– благородно, – сказала она. – благородно и многообещающе. А теперь ответ.
– Я – игрок.
– Правда? Как интересно... А где вы играете, если не секрет?
– Ты опять перешла на «вы» или мне показалось? – спросил он.
– Просто уважение мое к вам возросло стократно – у вас такая редкая профессия, – шутливо произнесла она. – Не уходи от ответа.
– Никакого секрета нет. Могу даже повести тебя с собой, никто не будет возражать. Вполне приличная компания, есть даже один известный драматург, близкий друг министра, никаких барыг и воров в законе.
– И ты... что... этим зарабатываешь на жизнь?
– И очень неплохо. А что тебя смущает?
Она помолчала, немного подумала, а потом и вовсе не ответила.
– А основная профессия до того, как ты стал игроком, у тебя, значит, была джазист?

Вопрос заставил его задуматься, он будто не совсем был уверен в том, что говорил минуту назад. Она усмехнулась.
– Забыл? – насмешливо спросила она.
– Нет, просто я сейчас подумал, как это у тебя прозвучало: какая была профессия? Почему была, подумал я, но... кажется, на самом деле я её утратил.
– Можно узнать, что?
– Конечно. Я играл джаз, но это не было профессионально, это я немного приврал, скорее, это было хобби. А то, что я любил... и что утратил... это... – он замолчал.

Она немного подождала, потом спросила:
– Что?
– Я писал песни...
– Правда? Популярные?
– Не очень, – признался он, отмахнувшись.
– Ну-ка, напомните какую-нибудь, – попросила она с любопытством.
– Здесь нет пианино, – сказал он.
– А вы напойте...
– О-о-о! – шутливо-возмущенно произнес он.
– Ну, пожалуйста, – попросила она почти умоляюще, с каким-то детским любопытством. – Пожалста-пжалста!

Он без лишних слов тихо напел мелодию.
– О! – воскликнула она негромко. – Эту я знаю, она была популярной, песня моей юности, мы, девчонки, в школе её часто мурлыкали...
– Так я и выбрал более-менее популярную. Как я хитро поступил, а?..
– Да. А сейчас, значит, вы не пишете песен? Как жаль. А почему?
– Это интервью? Давненько я не давал интервью... А песни... Уже давно, давно, давно иссяк источник... Я примерно так и ожидал, хорошее не может длиться вечно. Она улыбнулась.
– Ну, теперь мы можем снова перейти на «ты»?
– Да, – сказала она. – Конечно.

Потом они долго молчали, попивая пиво и глядя друг на друга, не испытывая при этом никакой неловкости, как обычно бывает, когда малознакомые еще люди по долгу разглядывают друг друга. Кафе понемногу заполнялось: молодая пара села за соседний столик, неподалеку уселось семейство с девочкой лет семи и со спящим малышом в коляске, компания молодых людей шумно рассаживалась в отдалении.

– Что? – тихо спросила она, заметив его погрузневший взгляд.
– Так. Думаю...
– О чем?
– У Вселенной нет границ, нет начала, нет конца, середины, – он вздохнул. – Это меня нервирует.
Она тихо рассмеялась.
– Понимаю, – сказала она. – Но это не мешает играть в карты?
– Нет, слава Богу. Не то у меня бы вообще ничего не осталось. Я не только в карты умею, еще в нарды, в домино, в общем – во все игры, приносящие выигрыш.
– И как обычно – приносят?
– Что приносят?
– Выигрыш, что же еще?
– Ты не поверишь, но постоянно... Это просто какое-то наваждение... в хорошем смысле... Я постоянно выигрываю. Тьфу-тьфу... – он постучал по столу. – Ты не поверишь. Не так уж много, как хотелось бы, но выигрываю...
– Отчего же. Верю, – сказала она, потеревшая свою сумку, посмотрела на него.
– Если я закурю, это будет нервировать тебя меньше, чем Вселенная без границ?
– Пожалуйста, кури, – сказал он.
Мимо кафе, на открытой веранде которого они сидели, прошла толпа молодых людей в шортах, пересекая площадь; толпа что-то нечленораздельно и вразной кричала, так что ничего нельзя было понять, но расторопный официант принес информацию.
– Какой-то придурок выступил в прессе, что мужчин, носящих шорты, надо обливать кислотой, вот они и возражают... – сообщил официант. – У вас все в порядке?
– В смысле – есть ли у нас шорты? – спросил Р.
– Нет, за столом, я имею в виду... – улыбнувшись, показав, что оценил шутку, сказал официант.
Когда они прогуливались по центральной улице, многолюдной по случаю воскресенья, он сказал, обернувшись и поглядев ей в глаза:
– У тебя серые глаза. Серые, да? Не ошибаюсь?
– А часто ошибаешься?
– Не совсем уверен, – он приблизил лицо почти вплотную к её лицу, будто пытаясь разглядеть, и со стороны могло показаться, что хочет поцеловать.
– Ну-ну-ну... – сказала она, хмурясь. – На улице...
Некоторое время они молча прогуливались, и, как ни странно, он не встретил ни одного знакомого, коих обычно встречал немало, особенно в воскресные дни, на улицах города.
– Ты что-то хотел сказать, – произнесла она утвердительно.
– С чего ты взяла?
– А разве нет?
– Хотел, – он помолчал и после паузы проговорил. – Знаешь, был старый фильм, который я давно забыл. Но до сих пор помню его нелепое название: «И это все о нем».
– И что?
– А то, что мы говорили только обо мне и ничего о тебе... Расскажи о себе...
– Но ты же у нас предсказатель, может, и прошлое угадаешь?.. – усмехнулась она.
– Вряд ли, даже пытаться не буду, – сказал он. – Я не Нострадамус.
– Все же попробуйся.
– Ты выиграла конкурс красоты «Мисс Вселенная» в одна тыща семьдесят пятом году.
– Если это комплимент, то он дурно пахнет. Мне гораздо меньше лет.

– А сколько?

– Полагаюсь на твою природную проницательность, как ты утверждаешь, – с издевкой в голосе закончила она.

Они уже давно ушли с центральной улицы, не замечая этого, занятые только друг другом, и теперь шли по какому-то закоулку с низенькими одно-двухэтажными домами, с щербатым, грязным тротуаром.

– Где это мы? – спросила она.

Он молча пожал плечами и вдруг, обернувшись к ней, схватил её за плечи и поцеловал в губы долгим, нежным поцелуем. Это было неожиданным для неё, но она, тем не менее, спокойно приняла поцелуй, хоть и не ответила на него. Потом она посмотрела ему в лицо изучающим взглядом.

– Хочешь что-то сказать, дорогая моя? – спросил он.

Она покачала головой, снова взяла его под руку, и они пошли дальше по незнакомой улице.

– Дорогая моя... – повторила она его слова.

– Тебе понравилось? – спросил он.

– Да, – призналась она. – Понравилось. Так уж случилось, что давно никто меня так не называл. Всерьез не называл, как ты сейчас, не вскользь, как дежурное обращение... А тебя?

– Ну, кому я могу быть дорог?.. Я был женат, но давно развелся. Есть дочь, взрослая, замужем, живет в Италии, мы почти не общаемся, очень редко... Ты ведь это хотела узнать?

– Да, господин ясновидящий, или как тебя точнее величать?..

– Ну, а ты?.. Меня тоже интересует твое прошлое, раз уж ты стала напрашиваться на поцелуй.

– Вот наглец!

– Имя мне известно. Теперь коротко, мадам, биографию, пожалуйста.

– Родилась я в одна тыща... – начала она шутливо.

– На этом и остановимся. Чем занимаешься? Как видишь, я не слишком любопытный, не люблю совать нос в чужие жизни, не то спросил бы на первой же встрече.

– А теперь суешь нос в чужую жизнь? – спросила она, посмотрев внимательно ему в глаза.

– Да, – сказал он. – Это потому, что надеюсь, что эта жизнь не будет для меня чужой, дорогая моя...

Они молча прошли еще немного.

– Ты понимаешь, почему я так разоткровенничался с тобой с первой встречи? – спросил он, посмотрев ей в лицо без улыбки, в каком-то напряженном ожидании ответа.

– С третьей, – поправила она.

– Неважно...

– Да, – она тоже стала серьезной. – Понимаю.

– Я знал, что поймешь, – сказал он, облегченно вздохнув, и после долгого молчания, которое не тяготило ни его, ни её, он попросил уже с почти требовательными нотками в голосе:

– Расскажи о себе.

– Я была замужем, – просто и сразу начала она без всякого кокетства. – Он был намного старше, очень богат, в Чехии у него была своя солидная ювелирная фирма или что-то вроде того, мы поначалу там и жили, в Праге... На браке настояли мои родители, хотя разница в возрасте у нас была почти в тридцать лет... Я была красавицей в те годы, так что ты не очень ошибся насчет мисс Вселенной. Он влюбился в меня, и я стала его третьей женой, двоих до меня он уморил своим несносным характером... Шучу. С обеими развелся. Детей у нас не было... А год назад он

умер в возрасте восьмидесяти одного года. Инсульт. Не помогли никакие миллионы...

– Которые он оставил тебе...

– Ошибаешься. Когда умирают такие люди, у них обычно оказывается огромное количество близких родственников. Мне противно было вступать с ними в борьбу за наследство. И, кстати, никакого завещания он не оставил, умер внезапно, в «скорой», на полпути в больницу. Но у меня есть свой салон красоты, восемь мастериц трудятся, если тебя это интересует... Так что свой кусок хлеба я зарабатываю, слава Богу, честным трудом.

– Не в укор мне будет сказано? – продолжил он за неё. – Или в укор?

– Да что ты? Я и не думала...

Вот так они болтали о том, о сем, шутили, соревнуясь в остроумии, серьезные темы, которые обоим интересовали, перемежали с совершенно неинтересными, второстепенными, о чем можно было бы и не говорить, гуляли... И...

Одним словом, они стали жить вместе.

Мне бы здесь и закончить, пока ничего не случилось, однако не думаю, чтобы это им понравилось. Не понравилось бы ни ему, ни ей. Оба они любили всякое дело доводить до конца. Особенно он, любящий рисковать и привыкший, что риск, как правило, оправдывает себя. Игрок...

Он переселился в её просторную квартиру в престижном районе города. Вопрос о том, чтобы жить в его малогабаритной квартирке, в сомнительной высотке, расположенной в сомнительном районе, сразу отпал, и он не стал возражать, просто не мог не предложить со своей стороны, предложение было отклонено, и он это принял вполне нормально. Её салон находился недалеко от дома, и это было еще одним веским аргументом, чтобы ему перебраться к ней, а не наоборот. Время от времени он отправлялся к себе на квартиру и там брэнчал на стареньком пианино, стараясь выжать из себя нечто похожее на мелодию, делал вялые попытки возобновить давнишний творческий настрой, но почти всегда получалось повторение уже пройденного, пальцы невольно выдавали на клавишах нечто очень напоминавшее его удачные песни, созданные давно и успешно забытые всеми, кроме автора. Так он думал, уходя с головой в свои нерадостные мысли. Хотя она доказала ему обратное, что не все забыли его удачные опыты. Но теперь не получалось, не получалось ничего путного.

У нее тоже было несколько необычное имя, хотя она так не считала – так звали её бабушку: Лола. Впервые услышав это имя, Р., не разобравшись, стал звать её вполне популярным – Лала. Но она тут же поправила его.

– Мне нравится мое имя, в отличие от некоторых присутствующих, недовольных своим, – полушутя проговорила она.

Он не стал возражать, да, он был не в восторге от своего имени, но и никогда не думал, чтобы поменять его, даже после смерти отца, которого он мог бы, наверное, обидеть этим шагом. Он как-то привык, притерся к своему имени.

Ну, так вот, Лола и Р. стали жить вместе. Она его называла так: Рээ. Ему было безразлично. Жизнь продолжалась, она работала, разбиралась со своими проблемами, неплохо зарабатывала, и с каждым днем все больше привязывалась к нему. Может, любила уже?.. Черт их поймет, женщин... Он редко называл её по имени, обычно только – дорогая моя...

Он тоже продолжал жить как прежде, ничего не меняя в укладе своего существования на этой земле.

Однако кое-что все же произошло. Сначала он не очень обратил на это внимание, потом насторожился, когда это стало повторяться вновь и вновь, потом растерялся. Фортуна отвернулась от него. Он, привыкший почти к постоянным, за

редкими исключениями, выигрышам, стал проигрывать.

Поначалу большие ставки, потом Р. поостерегся, стал играть по маленькой, но все равно проигрывал. Когда он через несколько недель ежевечерней игры вдруг в порыве отчаяния, почти неосознанно, признался ей в этом, она приняла его признание очень спокойно.

– Брось ты вообще играть, – посоветовала она. – Разве это так необходимо?

Он помолчал и после паузы проговорил.

– Ты думаешь, это так легко?

– Не будь мальчишкой, – она несколько натянуто, напряженно рассмеялась. – Вспомни, сколько тебе лет.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Это моя жизнь. И уже давно. Наркоманы говорят – подсел на иглу, я с молодых лет подсел на игру. Я не представляю себя без этого, это заполняет мою жизнь, наполняет её смыслом, хоть каким-то смыслом, заменяет для меня то, что я, к сожалению, утратил... Игра – моя жизнь, моя страсть...

– А я? Разве я не твоя жизнь, не твоя страсть?.. Что же я, на втором плане для тебя?

– Нет, нет... На первом. Но это... Нет... Я не могу объяснить... Это как болезнь, как наваждение...

И он продолжал играть и проигрывать, почти каждый вечер его тянуло в знакомую компанию, которая вскоре сменилась малознакомой, потому что из старой компании с солидными игроками его прогнали одними взглядами, опасаясь, что такая неудержимая страсть и жажда выигрыша во что бы то ни стало может закончиться пошлой и вполне предсказуемой аферой, на которую пускаются неудачники, шулеры и опытные мошенники, ему отказали от дома, где шла солидная игра, а потом он и вовсе скатился в подозрительные компании людей с уголовным прошлым и бандитскими рожами, но продолжал посещать их в надежде, что вот сегодня, именно сегодня удача улыбнется, вернется к нему удача, которая долгие годы не изменяла ему... Хотя отлично чувствовал чутьем опытного игрока, что окончательно потерял нюх, и внутренний голос, как раньше, обещавший удачу, обманывает его каждый раз, насмехается, будто водит за нос.

Р. все реже возвращался теперь к Лоле, оставаясь или в подозрительных квартирах, притонах с дешевыми девицами, где шла игра, или возвращаясь в свое давно заброшенное жилище, где за неуплату давно отключили свет, набралась куча пыли на мебели, на забытом пианино, но ему не нужен был свет, возвращался он мертвецки усталый и, как был в одежде, падал на неприбранную постель и засыпал, как убитый, потеряв счет дням, числам, путая дни и ночи...

Лола видела, как он стремительно опускается, как не может справиться с пагубной страстью, и поначалу старалась образумить его, помочь вернуться к нормальной жизни.

– Пойми, в твоём возрасте это даже смешно – поддаваться... такому... Это ведь не наркотики, от которых физически трудно оторваться, я видела наркоманов, это несчастные люди. Это даже не алкоголизм... но крепкие люди и это преодолевают... Ты солидный, пожилой человек...

Но все её слова были бессильны, липли к стенам её комнат с красивыми обоями, сползали по стенам, как следы блевотины. Она понимала, что говорит не то, что это не те слова, слабые слова, но сильных, настоящих найти не могла.

– Дорогая моя, дорогая моя... – тихо, обессиленный, произносил он. – Ты права... да... я брошу. Скоро брошу... но пока... Ты не могла бы мне одолжить немного денег. Я верну. Интуиция мне подсказывает, что сегодня я буду в выигрыше... О, эта интуиция... Чутье... Я же точно чую выигрыш. И знаешь, знаешь, это только один раз нужно! – с лихорадочно горящими глазами убеждал он её, хватая за руки и оставляя синяки на белых, полных, холёных руках её. – Стоит один раз только выиграть. И

тогда все пойдет как раньше. Один раз. Всего один раз. Я знаю.

Но именно в тот день, когда интуиция пообещала ему выигрыш, он столкнулся с новым игроком в уже привычной компании мазуриков, который попытался играть нечестно. Р. тут же раскрыл его, завязалась драка, новенький был вооружен, выстрелил в Р., не попал, к счастью, и убежал, захватив все деньги со стола.

– Кто его привел!? Кто его привел!? – в ярости кричал Р., хватая за грудки первого попавшегося под руку игрока.

Игра шла в подвале, в кочеварке старого пятиэтажного дома, и ушел он оттуда немного помятый, с расползшимся под глазом синяком.

Несколько дней он не показывался у Лолы, не заходил он и к себе домой, зная, что она будет искать его в первую очередь именно там.

Но однажды, придя к ней именно в тот день и час, когда – он знал – её не бывает дома, как не бывает по воскресеньям и домашней прислуги, он отпер дверь своим ключом, который еще оставался у него с первого дня их совместной жизни, полез в ящик её стола и, забрав внушительную пачку денег, тихо, торопливо выбежал из квартиры. Свой телефон он давно не носил с собой, не имея в нем никакой необходимости, он оставил его у себя в квартире, и в нем накручивались вызовы, звонки и сообщения, на которые некому было ответить.

«Вот я уже и вор», – подумал он горестно, но как-то вскользь, головой, и тут же мысль пропала, растворилась, не задев сердца и совести. Потому что её место заняла другая, более обнадеживающая мысль: эти деньги принесут мне удачу. Он почему-то совершенно безосновательно был уверен, что выиграет и вернет деньги.

Он познакомился с новыми людьми, эти были несколько почище, чем компания вооруженных карточных шулеров и аферистов, ему они показались вполне порядочными, игравшими честно, но с виду несколько потасканными, видно было, что жизнь потрепала их и потом усадила за карточный стол. Да, впрочем, и он тоже не казался исключением среди них, лоск и довольный вид улетучились, растерянность и неуверенность во взгляде выдавали в нем неудачника, безуспешно боровшегося со своим невезением.

Влюбленность, обрушившуюся на него, казалось, совсем недавно, а может – давно? (время в бесконечной, непрекращающейся игре летело стремительно, незаметно, оставляя за собой трупы дней), он начинал забывать, точнее – старался не вспоминать: это мешало ему вести тот беспокойный образ жизни, который он избрал себе в последнее время, а может, было бы точнее – образ жизни, который избрал его, словно наметив его, Р., своей жертвой.

Лола постоянно искала его, у неё, в отличие от Р., чувство к нему все больше возрастало, охватывая всю душу, и что-то материнское было в этом её чувстве, она страстно желала заботиться о нем, найти его и не выпускать из объятий, окружить заботой и вниманием, отринуть от себя все остальное, все нескончаемые надоедливые проблемы и дела, связанные с работой, с её бизнесом, и заниматься только им, Р.

Забрав у неё деньги, он на следующий день позвонил на её работу, в салон, и повинулся, но обещал вернуть все до копейки: вот только подожди, я все верну, обещаю, слово мужчины... За все время, что он говорил по телефону, она не проронила ни слова, ни звука, внимательно слушая его с подступавшими к горлу слезами, хорошо понимая, что он говорит в точности, как закоренные алкаши, продающие все ценное из дома, чтобы удовлетворить свою пагубную страсть, да, сейчас он ничем не отличался от этих больных, несчастных людей. И лексикон был почти тот же, одно к одному...

– Я об одном прошу тебя, Р., вернись, – сказала она, выслушав его до конца и дождавшись паузы – Я все устрою... Не думай о деньгах, – и, не сдержавшись, за-

плакала. – Ты мне нужен... Я умоляю тебя – вернись...

И слушая в трубке отбойные гудки, Лола, дорогая Лола вдруг подумала, что это была последняя её любовь, и такое вряд ли еще повторится, вспомнила их ночи любви, их гуляния по приморскому бульвару, который они оба любили, его глупые, бессмысленные пророчества про болезни, что охватят весь мир уже очень скоро...

– И что тогда мы будем делать? – шутливо спросила она однажды, когда сама завела об этом разговор. – Будем пировать во время чумы?

– Будем сидеть дома, – сказал он, – И заниматься любовью. И я буду любить тебя еще сильнее...

– О-о! Это меня устраивает, – коротко, тихо рассмеялась она своим переливчатым восхитительным смехом, который он так любил, и за который он любил её еще сильнее.

– Тогда, может, начнем прямо сейчас? – спросил он, ухитрившись произнести эту фразу утвердительно.

И они вернулись домой вместо того, чтобы отправиться, как было запланировано, на премьеру шумевшего спектакля, на который ему прислал билеты знакомый театральный режиссер.

А дома, уже безумно устав и расслабленно лежа в постели, не имея сил разговаривать, она, тем не менее, спросила неожиданно:

– А как ты, провидец, видишь мое будущее? Скажи мне, кудесник, любимец богов... Или ты еще не заглядывал так далеко?

– Нет, заглядывал, – сказал он серьезно.

– Ну и как? – без всякого интереса спросила она, не веря ни в какие его способности предсказывать будущее. – Скоро ли помру от любви, уважаемый Р.?

– Я это вижу туманно, – ответил он неохотно, с заметно испортившимся настроением. – Очень смутно.

– Вот, пожалуйста, – сказала она, – повальные болезни видишь не смутно, а что касается любимой женщины, так тут ты и лапки кверху... Может, хватит трепаться? А кстати, почему ты не забудешь тревогу, если знаешь про назревающую беду в мире? – спросила она, уже почти засыпая.

– Но как бороться с тем, чего еще нет? Как предотвратить то, что еще неизвестно? Я пробовал добраться до влиятельных людей и до кое-кого добрался, но меня приняли чуть ли не за душевнобольного... И хватит об этом. Я спать хочу.

В ту пору были их счастливые дни и еще более счастливые ночи.

Теперь, опускаясь на дно, Р. постепенно терял человеческий облик, к имеющейся беде прибавилась еще одна, подтверждая старую поговорку: пришла беда – открывай ворота: он стал пить. Но прежде чем он позаимствовал у Лолы её деньги из ящика стола, который никогда не запирался, Р. продал из своего дома все, что там имелось – от мебели, пианино до красивого нового верблюжьего одеяла – так что изредка, падая от усталости, возвращаясь домой, чтобы отоспаться, он, глядя на голые стены, с горечью думал, что теперь, если он опять крупно проиграется, ему только остается продать квартиру. Он стал замечать в себе мысли и поступки ненормального человека: вдруг останавливался посреди людной улицы, раскинув руки, словно хотел обнять шарахающихся от него прохожих, или делал реверанс непонятно в чей адрес, строил рожи, громко беспричинно хохотал, останавливался и начинал биться головой об стену дома... Мысли были и того хуже.

«Это она, гадина, виновата, – думал он. – Это из-за неё я в таком дерьме. Как только я её встретил, все пошло наперекосяк, я стал проигрывать... залез в долги. Однажды даже побили, не помню, где, в какой компании... Это она, ведьма, виновата... Не могу понять, что я в ней такого нашел? Влюбился, как дурак, как мальчишка... Ну да, красивая женщина, холеная, ухоженная, белотелая, мечта сексуального маньяка... но, однако, сколько же хлопот от этой влюбленности... в мои годы это не-

легко...».

А ведьма искала его, тосковала и не знала, как вернуть. Она за эти месяцы и впрямь привыкла к нему, и, несмотря на то, что обладала твердым характером и никому не позволяла играть собой, но Р. стал вдруг исключением в её, прямо сказать, не бедной на любовь биографии.

Никогда нельзя понять, почему людей тянет друг к другу, так же, как и нельзя ответить на этот вопрос. Почему ты меня любишь? За что ты меня любишь? Как женщина умная, практичная и далеко не сентиментальная, она понимала, что нельзя ответить на подобные вопросы, как и бессмысленно задавать их, это такие тонкие ощущения, такие стремительные, пронзительные и в то же время необъяснимые чувства, что... Но эти чувства, уже переросшие в любовь к нему, Р., окрепли со временем, становились постепенно и уже стали главной целью её жизни, и она была готова все сделать для него, всем пожертвовать, чтобы помочь ему, вытащить его из мрачной, беспросветной ямы, куда он погружался все глубже с каждым днем, с каждым разом, когда отталкивал её, упрямо отводил от себя её руку, протянутую для помощи... Она вспоминала их лучшие дни, когда вечерами, в часы их неистовой любви, она, изнемогая, полностью, казалось, растворялась в нем, исчезала и возрождалась вновь, растворяясь снова и снова, и потом, ночью, когда оба, утомленные, спали, она прислушивалась к его дыханию, и это совсем не было похоже на дыхание спящего мужчины, а скорее – ребенка, еле слышное дыхание младенца, и это её умиляло, она лежала в его объятиях, внушая себе, что должна заботиться о нем, что он почему-то в её ночном представлении – беспомощный, как ребенок, и она должна, обязана о нем заботиться, и пока он спал, она долго не могла отвести от его лица глаз, бессознательно улыбаясь и боясь разомкнуть объятия, чтобы не нарушить его чуткий сон, чтобы он не проснулся. К нему она привязалась и думала и даже планировала зажить спокойно, семейно, отдохнуть в тихой гавани, как она мечтала, и от напряженной работы, где каждый раз возникало множество проблем, и от своих многочисленных знакомых и шумных приятелей, ей хотелось тишины и уединения, и Лола полагала, что эта тихая гавань будет наполнена её с Р. взаимопониманием, молчанием, полным понимания и, может быть, долгой, долгой любовью. Глубоко в душе она была очень одинока и ощущала ледяное прикосновение этого одиночества и хотела избавиться от этого холода, проникавшего в душу...

Р. пересчитал ее деньги: четырнадцать тысяч семьсот в долларах, на миг ощутил себя миллионером, почувствовал, что мог бы, как раньше бывало, сорить деньгами, и тут как раз встретил своего знакомого из ранней, приличной компании, где все играли не затем, чтобы выиграть, а чтобы приятно провести время в кругу приятных, интеллигентных людей, заодно чуть поднять адреналин в крови, возбудиться, растряситься, когда игралась большая ставка. Знакомый, неуверенно посматривая на Р., подошел к нему.

– Я еле узнал вас, – признался он, вглядываясь в похудевшее, заросшее трехдневной щетиной лицо Р. – Что это с вами? Не больны?

Р. усмехнулся, и какая-то незнакомая в его лице сумасшедшинка неприятно удивила бывшего товарища по игре.

– Скоро мы все заболеем, – загадочно сообщил Р. – Ведь я, вы не знаете, вижу ближайшее будущее. Так что будьте готовы к самому худшему, неприятному повороту жизни.

– Не понимаю вас, – холодно ответил знакомый.

– Ничего, скоро поймете, – еще более загадочно сообщил Р.

– Вы все еще играете? – поинтересовался бывший товарищ и, окинув его понимающим взглядом, покачал головой: давно не глаженные брюки с пузырями на коленях, грязный воротник рубашки, разношенные ботинки не по сезону. – Вам надо бросить, пока не стало хуже. Это бывает – везение не всегда благосклонно к нам, и

тогда следует вовремя остановиться.

– Вы куда направляетесь? – несколько бесцеремонно и потому намеренно нахальным тоном спросил Р. – Не в вашу ли компанию удачливых игроков?

– Именно туда, – ответил товарищ.

– Возьмите и меня, – и Р., вытащив из кармана, потряс пачкой купюр. – Деньги есть, в долг играть не стану, как бывало, и пока от меня не пахнет подворотней...

Старые знакомые встретили Р. сдержанно-шутливо, будто расстались только вчера, но были среди них и два новичка, молодые люди лет тридцати-тридцати пяти, которые сразу не понравились Р. Оба были в дорогих костюмах, пахли дорогим одеколоном и снисходительно посматривали на Р. Они явно пришли сюда швырять деньгами, что более или менее успешно и продемонстрировали, все больше и больше озлобляя Р. Было похоже, что оба они – сыночки высокопоставленных папаш, что и соответствовало действительности. Р. настороженно прислушивался к себе, ожидая подсказки со стороны интуиции, на которую полагался раньше; он был талантливым игроком и знал это, и это знали остальные за столом, кроме двух молодых людей, и теперь Р. старался обмануть судьбу, утереть нос фортуне, внушая себе и стараясь поверить, что пришел сюда не ради выигрыша, а так... поразвлечься, как эти богатые сосунки, пришел проиграть, швырять деньгами, но как ни старался убедить себя в этом, выползали, как черви, мысли о том, что непременно надо вернуть деньги, которые он взял без спросу у Лолы, а поэтому обязательно надо выиграть, и эти мысли напрягали его, что было недопустимо, потому что мысли эти были проигрышными, он гнал их от себя, но вновь и вновь они вползали в голову и стремились сосредоточить Р. на себе.

Он проиграл, проиграл все до последнего доллара, хотя в середине игры фортуна все-таки повернулась к нему своим озабоченным лицом, он стал выигрывать, но это длилось недолго. И в итоге он проиграл, проиграл все четырнадцать тысяч семьсот и проиграл именно двум молодым везункам. Он хотел уже подняться и покинуть компанию, но вдруг подумал, что мог бы продолжить игру в счет своей квартиры, все-таки она чего-то стоила, но не стал озвучивать эту свою идею, совершенно оглушенный проигрышем, стараясь сообразить, что теперь скажет Лоле, даже не смотря на то, что она так легко отнеслась к его воровству. А то, что этот его поступок и был настоящим воровством, не подлежало сомнению, – думал он мрачно, – вещи надо называть своими именами.

Он, взяв себя в руки, спокойно попрощался и вышел из квартиры, где шла игра, вышел на улицу и побрел бесцельно, не зная, куда выведут его ноги, шагал, тупо глядя перед собой и ничего не замечая. «В моем положении порядочные люди стреляются», – вертелась мысль в воспаленном мозгу его.

Р. забрел в глухой переулок и тут вспомнил, что они с Лолой как-то тоже невзначай оказались тут, среди старых, заброшенных домов, с кучей мусора, наваленного на углу дома с темными, слепыми окнами.

Прямо посреди улицы сидела нищенка, она помахала Р., подзывая.

Он подошел и глянул на неё. Нельзя было определить её возраст. Морщинистое лицо и в то же время живые, яркие, молодые глаза, полуседые волосы и в то же время уложены, как у молодой кокетки. Она улыбалась ему, глядя снизу вверх, виновато, хитро, лукаво, будто в чем-то хотела признаться, но не решалась.

Только теперь он обратил внимание на то, что перед ней разбита детская коляска, помятая и грязная, вполне соответствующая непонятному, неряшливому одеянию старухи – то ли платье было на ней, то ли завернута была женщина в просторную черную чадру, не поймешь. Он осторожно приблизился, уловив жуткие запахи, исходящие от неё, и, вытянув шею, заглянул в коляску. Там лежал ребенок, маленький, примерно – годовалый, но лежал как-то странно, не шевелился и... не дышал, как

показалось Р.

Он нагнулся над ребенком, охваченный страхом, и убедился, что тот был мертв. Р. резко повернулся к женщине, хотел что-то спросить, сказать, еще не зная, что слетит с языка, и увидел, что мерзкая тварь тихо хихикает с таким видом, будто выиграла спор и хочет сказать: ну как, убедился, что я права?

Р. отпрянул от старухи – теперь она уже откровенно выглядела как старуха, с седыми грязными волосами, падавшими на лицо неряшливыми космами, с потухшим взглядом, с беззубым провалившимся ртом. И тут он заметил, что она что-то протягивает ему в костлявых пальцах, похожих на щупальца осьминога, вылезших из-под чадры.

– Ч-что?.. – пугливо произнес он, заикаясь.

– Возьми и возвращайся туда, – проговорила старуха приказным тоном, уверенная, что он поймет.

– Куда?.. – тем не менее, спросил он.

Старуха не отвечала и только рукой сделала легкий жест, будто прогоняла его.

Он, мало что соображая, отошел от неё, пошел, петляя по улочкам, вышел, наконец, на центральную, ярко освещенную улицу, где взад и вперед двигались толпы народа, громко переговариваясь, смеясь, бросая друг на друга любопытные взгляды, и только тогда заметил, что держит что-то в кулаке. Разжав кулак, он увидел смятую мелкую купюру и тут же, не удивившись своему решению, напрямик направился в компанию игроков, которую покинул совсем недавно, проигравшись в пух и прах. У него было смутное ощущение, словно кто-то невидимый руководил им, его поступками, вел его, лишённого воли и подчинявшегося, как сомнамбула, ничего не сознавая, ничего не соображая.

Старые соперники по игре не удивились его возвращению, приняв, как должное, что он играет такую ничтожную сумму, которую и суммой назвать трудно, но через два часа Р. вышел от них с карманами, набитыми деньгами, он унес крупный выигрыш, вернув почти все, что проигрывал за последнее время. И теперь со смешанными чувствами, с перепутавшимися в голове мыслями он шел к Лоле, шел, чтобы попросить у неё прощения за свое поведение, за то, что бросил её, не хотел вспоминать, не хотел видеть, он шел к ней и знал, что она любит его, любит, простит и встретит с радостью. И он, измучивший её и сам измученный, теперь хотел доставить ей радость, хотел чтобы она стала счастливой, насколько это было возможно, хотел сказать ей – дорогая моя, дорогая моя... И не надо было других слов, она бы поняла и так, дорогая моя...

И тут Р. проснулся, обнаружил себя на скамейке в незнакомом небольшом сквере, протер глаза, огляделся, потрогал пустые карманы, хотел подняться, но был не в силах, был крайне утомлен, смертельно усталый, он так и остался сидеть в ночном сквере на холодной скамейке...

И вдруг, будто почуяв чьё-то присутствие рядом с собой, он резко обернулся и увидел женщину, которой не было минуту назад, когда он проснулся; он внимательно поглядел на незнакомую, жутко уродливую женщину в мешковатом платье, державшую за ручку дешевую детскую коляску. Женщина улыбалась, обнажив неровные, давно не чищенные зубы, поцокала языком, как бы осуждая Р. за что-то. Он, уже объятый страхом и недобрым предчувствием, осторожно заглянул в коляску и с воплем отстранился – там лежал мертвый младенец, а женщина, хихикая, грозила ему пальцем...

Р. с криком проснулся и, озираясь, не сразу сообразил, что находится у себя в старой своей заброшенной квартире.

Он стал пить, все чаще прикладывался к бутылке, и так как бутылки и содержимое их были обычно дешевыми и крайне подозрительными, Р. стремительно спивался, становясь алкоголиком, и спиртное в его пожилом возрасте успешно в короткие сроки разрушало его организм и психику, его посещали галлюцинации, совершенно фантастические, невиданные, абсолютно не связанные ни с его реальной жизнью, ни с его желаниями и мечтами, которые становились, по мере деградации, все более убогими; но видения были навязчивы и необъяснимы. Впрочем, он недолго ломал голову над этими снами, посещавшими его наяву, или явью, реальностью, перемешанной со снами.

Это была его личная беда, и Лолу заволокло туманом, хотя она не переставала его ждать, но вскоре появилась и общая беда, которую он полушутливо, не надеясь, что поверят, предсказывал в ту пору, когда только познакомился с ней, с Лолой, дорогая моя...

На мир обрушилась неизвестная болезнь, вирус, к чему поначалу люди относились не серьезно, не очень серьезно, очень несерьезно; появились поначалу самые законопослушные люди в масках, похожие на гонцов, приносящих дурные вести, потом их становилось все больше, все больше, так же, как и зараженных этим неизвестным вирусом, так же, как и умиравших от этого неизвестного вируса. Разные ходили слухи, от самых нелепых до подкрепленных научными выкладками известных профессоров-медиков, научно доказывающих, что вирус – не что иное, как разновидность обычного гриппа, и не следует паниковать, если... Их оппоненты, наоборот, настаивали на том, что паниковать стоит, то есть, не то, чтобы паниковать, но крайне серьезно относиться к новому, еще не изученному наукой и вследствие этого уносящего все больше человеческих жизней вирусу.

– Это все масоны, – утверждал простой люд, соглашаясь с популярной версией, что кучка супербогатых семей, управляющих миром, решила сократить население земного шара путем истребления одного страшным таинственным вирусом, против которого ученые всего мира пока что тщетно и безрезультатно ищут эффективную вакцину. – Вот скажите, почему ни одна семья из этой могучей кучки не хочет вкладывать деньги в поиски избавления от этой болезни, пандемия все больше и больше охватывает мир, а эти толстосумы молча наблюдают из своих бункеров с золотыми унитазами, когда от населения останется одна десятая.

Другая часть населения утверждала, что вирус – это кара божья за несправедную жизнь людей на земле.

– Это Аллах карает своих взбунтовавшихся против Него, взбесившихся чад. Аллах хочет вернуть их к праведной жизни, – говорили богобоязненные люди.

Оптимисты все-таки верили, что избавление придет, вакцину от коронавируса изобретут, найдут, и мир будет спасен.

Пьяный Р., шатаясь по улицам в маске на запястье, ухмыляясь, слушал эти разговоры, домыслы, предположения и думал порой, что хорошо, что ему недолго осталось, что он не переживет этот коварный вирус, не увидит избавления человечества, которое, выздоровев, победив болезнь, вновь обратится к своим несправедным делам.

– А ведь я предупреждал! – орал он порой, став посреди улицы, раскачиваясь пьяно. – П-р-р-едупреждал.

– Гражданин, наденьте маску, как полагается, – подходил к нему полицейский. – Не то будете оштрафованы.

– Иди, оштрафуй! – орал Р., выворачивая пустые карманы. – Видал я вас всех, вашу мать!..

Так он шлялся по улицам, порой, будучи в особо сильном алкогольном возбуждении, изображая из себя мессию и поучая толпу, провожавшую его понимающе

щими взглядами.

Пути его с Лолой не пересекались, потому что он избегал района, где мог бы встретить её, а она обычно шла из дома в свой салон, что был недалеко, или же ездила по делам на своей машине, но подруги и знакомые, знавшие об их угасающих отношениях с Р. и встречавшие его в непотребном виде, с хорошо скрываемым удовольствием рассказывали ей об этих встречах.

Теперь уже Р. был без крыши над головой, он давно продал эту крышу и голые стены и теперь ночевал где придется, а часто просто отправлялся в ночлежные дома, которые были в некоторых районах города. Питался он чем Бог пошлет и был вполне доволен своей жизнью, вспоминая прежнюю как цепь тяжелых обязанностей, утомительных правил поведения и огромной ноши ответственности перед обществом (хотя последнее он никогда не мог понять, но, тем не менее, раньше старался соответствовать, изображая из себя законопослушного гражданина). И жил он как птичка божья. Но порой просыпался в Р. прежний человек, и он содрогался, посмотрев на себя со стороны и сравнив себя с нормальными людьми, коих видел ежедневно на улицах города, в нем просыпался цивилизованный человек, которому требовалось умываться и чистить зубы ежедневно, часто принимать ванну и надевать свежее белье. Он порой вспоминал своих женщин, и в первую очередь Лолу, но никак не мог поверить, что она и все другие были именно в его жизни, он будто со стороны вспоминал чужую – неизвестно чью – жизнь, будто во сне, вдруг необъяснимым образом просочившись в чужой сон и завладев чужими приснившимися в чудной форме воспоминаниями.

Лола, поначалу стремившаяся любыми средствами вернуть его, излечить от пагубной страсти к выпивке и игре, стремившаяся и делавшая все даже в ущерб своей работе, своему любимому делу, бизнесу, что она создавала собственными руками, умом и энергией, во что вложила много сил и денег, даже этим любимым делом пренебрегая, она хотела вернуть его, хорошо понимая, как опытная женщина, сколько сил и труда потребует задуманное ею решение, понимая, что ради спасения его жизнь она может пожертвовать собственной, но это её не останавливало, даже несмотря на советы близких людей пожалеть себя и не браться за неосуществимое. Но время лечит, или меняет, или охлаждает наши самые сумасшедшие замыслы, и Лола не была исключением. Теперь она тихо, как смиренные старушки в доме престарелых, вспоминала Р. и просто молча радовалась, что в её жизни была такая любовь, тогда как у него, Р., – и она это понимала и чувствовала – была не любовь к ней, а недолго живущая в мужчинах влюбленность и влечение. И постепенно она, словно выходящая, втягивалась в свою старую, будничную жизнь, полную хлопот и забот.

Но он был, Р. был, и от этого нельзя было отмахнуться, он был реален, он стоял у неё перед глазами, и порой её мучила совесть, напоминая, что она, может, еще не все сделала, не все испробовала, чтобы не потерять его, чтобы вернуть его и не дать погибнуть.

И вот в жизнь Лолы и Р. вторглась непрошено, нежданно-негаданно пандемия. Люди помрачнели, будто съезжались, утратили свободу, подчиняясь обязательному и общему карантину, и даже когда строгий карантин был на время прекращен, и население могло выходить из своих домов, находилось немало и тех, кто опасался, все еще оставаясь дома, взаперти, не желая общаться ни с кем вне своей семьи, чтобы не заболеть, не принести в свой очаг эту заразу, от которой уже умирали сотни тысяч людей по всему миру; и в ожидании следующей прогнозируемой учеными волны пандемии человеческие существа преобразились, забились в свои норы, постепенно теряя человеческий облик.

Он спешит по пустынным улицам в опустевшем городе вымершего мира, вокруг ни души, город пуст, и он никого не встречает на своем пути. Теперь Р., оглядываясь в страхе, видел призраки, прозрачные подобию людей в черных и белых масках, при-

зраки полицейских, что задерживали и расспрашивали призраки прохожих с печальными глазами, тени обступали Р., неживые тени, и он шел все быстрее, чтобы оторваться от них, не видеть их, и ноги бессознательно вели его по хорошо знакомой улице к хорошо знакомому дому Лолы. Дом её располагался напротив моря, через дорогу от приморского бульвара, где давным-давно (сколько же прошло? десять лет? пятьдесят? или несколько месяцев?) они любили гулять с Лолой, любили смотреть на море, чувствуя, как широта и необъятность моря, словно вливаясь в их души, делает их тоже, их сердца, их души такими же необъятными, как это море, широкими, готовыми вместить в себя всю любовь, что сохранилась пока во Вселенной; они гуляли и без слов, молча, без звука понимали друг друга, и думали, что это прекрасное ощущение никогда не кончится, будет с ними до конца, до самого конца, дорогая моя...

Теперь он торопливо шагал по приморскому бульвару, продолжая видеть призраки, здесь их было меньше, но от этого Р. было не легче, они шли навстречу ему, мрачно, хмуро, подозрительно поглядывали на него, и сами были очень подозрительные, очень... Вот женщина-призрак, толкающая перед собой нарядную коляску с призраком ребенка в ней, она шла по самой кромке последнего яруса бульвара, в двух шагах от воды, плещущейся почти под её ногами. Р. настороженно смотрел на неё, в ожидании чего-то жуткого, сердце его сжалось в недобром предчувствии, а женщина, поравнявшись с ним, словно желая оправдать его предчувствия, внезапно нагнувшись, схватила коляску с ребенком и бросила её в море. Р. с перехваченным дыханием присел от ужаса, а женщина невозмутимо прошла мимо, или ... прошла сквозь Р.? Да, прошла сквозь... Он бросился к морю, чтобы кинуться и спасти ребенка, но тут, обернувшись, увидел женщину, продолжавшую толкать перед собой коляску с ребенком, и нога ребенка в вязаном носочке высовывалась из коляски сбоку и болталась, женщина совала ногу обратно в коляску, но ребенок, шая, вновь высовывал ножку из коляски и болтал ею... Р. с трудом переводил дыхание. Он продолжал идти и очнулся, только когда очутился прямо перед подъездом дома Лолы.

Ему открыла пожилая домработница, предварительно подробно расспросив из-за закрытой двери. Он, как мог, спеша и заикаясь, ответил на её вопросы.

– Хозяйка больна, – сообщила она, впуская его в переднюю. – К ней нельзя.

– А вы кто? – спросил он, подозрительно оглядывая её.

– Я домработница, помогаю Лоле по дому, – объяснила она. – Наденьте маску.

– Я вас не знаю, – сказал Р., продолжая оглядывать женщину. – У Лолы была домработница...

– Я новая, только месяц, как работаю, – перебив его, пояснила женщина.

– Кто там, Зульфия? – послышался из-за закрытой двери в спальню голос хозяйки. – Кого ты впустила? Это с работы?

Голос Лолы, которого он давно не слышал, показался Р. очень странным, и он подумал, что, может быть, это и не она, а один из призраков, что видел он по дороге сюда, когда шел, чтобы укрыться, спрятаться у неё, у Лолы.

Он подбежал к двери в спальню и распахнул её, пока домработница не успела ему помешать. Она лежала в постели, в той постели, которая совсем, казалось, недавно была их общей.

– Боже мой! – ахнула она, увидев его, похожего на бомжа, с горящими, сумасшедшими глазами. – Это ты?.. – и тут же вскрикнула, будто вспомнив. – Не входи сюда, я больна, я заразилась... У меня этот проклятый вирус. Не входи! Ты заразишься. Зуля, убери его. Говори со мной, Р., из-за двери.

– Ты больна? – недоверчиво спросил он. – Чем больна? – спросил он, будто и не слышал её объяснений.

Зульфия, оттащив обессиленного от недоедания и образа существования, что он вел в последнее время, Р., захлопнула дверь в спальню и сказала:

– Говорите так, за дверью, она услышит. Не входите. Я и сама не вхожу, все,

что нужно ей, ставлю у порога спальни. Понятно?

– Лола, – сказал он через дверь дрожащим голосом. – Лола, – и, оглянувшись на стоявшую рядом домработницу, которая не отходила от двери и не сводила с него глаз, будто опасаясь, что он в любую минуту может ворваться в спальню к хозяйке, громко произнес. – Лола, мне надо спрятаться. Они преследуют меня. Куда бы я ни пошел, они находят меня, идут по пятам. Я не знаю, куда деваться. У меня никого нет, кроме тебя. Спрячь меня. Я их боюсь.

– Кто тебя преследует? – услышал он её встревоженный голос из-за двери. – Что ты такое говоришь? Кто тебя может преследовать? Ты кому-то задолжал?

– Нет, нет, я давно не играю, да и кто сядет со мной играть... Думаешь, я не понимаю, кто я теперь? Отлично знаю... – говорил Р.

Домработница не отходила от него ни на шаг и внимательно слушала, и смотрела на него странным взглядом. Он не придавал этому значения и старался объяснить Лоле, что его уже давно угнетало.

– Меня преследуют, – повторил он. – Они... Эти женщины, старухи с колясками, а в колясках мертвые дети, они повсюду, я боюсь, что они могут сказать, что это я убил детей... У одного ножка свешивалась из коляски. Меня поймают, а я ничего не смогу доказать. Мне надо спрятаться...

Из спальни долго не доносилось ни звука.

– Лола, ты слышишь?.. Они меня преследуют, они меня поймают, спаси меня, Лола, дорогая моя!.. – он истерически кричал за плотно закрытой дверью, Лола все слышала, не в силах отвечать, тихо плакала, уже поняв, что происходит, а домработница Зульфия сдерживала Р., крепко вцепившись ему в плечи, чтобы он не ворвался в комнату к хозяйке, и, судя по силе в её руках, она вполне могла бы работать не только домработницей, но и телохранителем.

У Лолы была высокая температура, накануне проверка на тест коронавируса дала положительный результат, но, тем не менее, она нашла в себе силы позвонить знакомому психиатру, очень влиятельному человеку в городе и объяснить ему ситуацию. Психиатр, надо отдать ему должное, соответствовал немедленно, буквально через десять минут он постучал в дверь её квартиры и вошел с двумя здоровенными парнями, помощниками, и они без лишних слов, сделав прямо на пороге успокоительный укол в руку Р., взяв его с двух сторон, отвели к ожидавшей машине.

– Лола, как ты? – спросил через дверь психиатр. – Что-то нужно?

– Нет, Заур, спасибо, лечусь дома, приходит врач, ставит системы, все нормально, – ответила она. – Спасибо, что пришел.

– За него не беспокойся, – сказал Заур, чтобы успокоить её. – Я сам им займусь. А пока, наверное, придется ему побыть в больнице. Достаточно только посмотреть на него, чтобы все стало ясно... К сожалению... Буду держать тебя в курсе... Лола, ты слышишь? – подождав немного, Заур вновь окликнул её. – Почему не отвечаешь?

– Плачу... – еле слышно донеслось из-за двери, но Заур услышал, помолчал, зная об отношениях Лолы с Р., о которых знали, пожалуй, все многочисленные знакомые, друзья и приятели Лолы, и после паузы тоже негромко проговорил.

– Не беспокойся... Я сделаю все, что надо. И... может, ты позволишь мне войти на минутку. Не бойся за меня, я в маске и я уже переболел, так что...

– Нет, нет, Заур, не надо рисковать, – услышал он из-за двери её голос. – И потом, я так сейчас ужасно выгляжу...

Зауру в ответ на эти её слова захотелось сказать какой-нибудь легкой ненавязчивый комплимент, но он вовремя вспомнил, что сейчас не время для комплиментов.

Заур, как и многие знакомые мужчины Лолы, был в свое время влюблен в неё, любовь была тактично отвергнута, но симпатия, взаимная симпатия оставалась, и они несколько раз пересекались по жизни, оказывая друг другу услуги и по-друже-

ски поддерживая друг друга.

– Ну, я пошел, – сказал он в дверь и вышел из квартиры.

В психиатрической больнице Р. с первых же дней почувствовал себя вполне комфортно. Поначалу он искал для себя слушателей, чтобы рассказать о своих проблемах, о том, как его преследуют разные женщины с мертвыми младенцами в колясках (даже сюда приходят и стоят под окнами часами, ожидая, что он выйдет). Но среди пациентов мало кто хотел слушать, зато все хотели говорить (в этом смысле сумасшедший дом мало чем отличался от внешнего мира); а врачи были недосыгаемы, в особенности для таких рассказчиков, как Р., они просто отмахивались от него, как и от всех других говорливых больных.

Тем не менее, Р. нашел себе подходящую компанию: это были игроки, не бог весть какие искусные, но и за это слава Богу...

Играя, можно было делиться своими страхами и беспокойством, что прямо отсюда врачи передадут его в руки правосудия за то, что он убивал младенцев. Слушали неохотно, часто перебивая, говорили о себе. У компании нашлась и потрепанная колода карт, и был даже свой доморощенный шулер, который так топорно демонстрировал свои дешевенькие фокусы, что и ребенку были видны его «тузы в рукаве». Р., зная почти все о шулерских картах и о различных проделках, с которыми он сталкивался не раз за свою богатую практику игрока, мог легко разоблачить и поймать шулера, он внимательно осмотрел колоду, она была чистая, а неумелый аферист за столом (служившим и обеденным, откуда их компанию гнали во время раздачи обеда и ужина), больше дурачился, показывая свое «мастерство», чем хотел выиграть. Играли в примитивное «двадцать одно», иначе – «очко», и как Р. ни старался научить их более сложным, популярным и интересным играм, таким, как преферанс или покер, но дальше «дурака» и «очка» дело не шло, братья-картежники не хотели дать себе труда сосредоточиться и понять.

– А у тебя есть деньги? – спросил у Р. один из игроков, худой, плохо побритый, с бегающими, испуганными глазами молодой человек лет тридцати. – Мы всегда играем на деньги...

– Откуда у меня здесь могут быть деньги? – резонно, как ему казалось, ответил Р. – А у вас всех разве есть?

– У меня есть, – ответил второй игрок, с лица которого никогда не сходила добрая, глупая улыбка. – Вот у него тоже, – показал он на третьего участника игры за столом.

– Здесь у многих есть деньги, – подтвердил молодой человек. – Мы же платим медработникам, а как же...

– Разве тебе не дали денег дома, когда отправляли сюда? – спросил улыбавшийся мужчина, не переставая улыбаться.

– У меня нет дома, – сказал Р.

Все молча, с сожалением посмотрели на него.

– Ты мог бы жить у нас, – неожиданно предложил молодой партнер с бегающими глазами, суетливо поглядывая по сторонам, – только надо жениться на моей маме. Тебе сколько лет?

– Если нет денег, тогда будем играть на пуговицы, – предложил улыбчивый пациент.

– Да, да, – подхватили остальные двое. – Мы часто играем на пуговицы.

– Как это? – не понял Р.

– А что тут непонятного?! – вдруг рассердился молчавший до сих пор четвертый игрок и затряс головой, угрожающе приподнявшись со стула. – Скажешь, у тебя и пуговиц нет!? Вон у него сколько! И на рубашке, и на пиджаке!.. На халяву хотел, падла!

– А ну, кыш отсюда! – подошел к ним буфетчик. – Сейчас время ужина. Осво-

бодите места за столом.

– Он не хочет играть на пуговицы! – пожаловался буфетчику нервный мужчина, уже весь трясаясь от непонятного негодования. – Обмануть хотел!

– Ладно, ладно, – миролюбиво проговорил буфетчик. – Подайте на него в суд. Поднялись и пошли, если не хотите схлопотать по шее.

Тем не менее, эта компания приняла Р. в свои ряды игроков-любителей, и они почти ежедневно собирались за обеденным столом со своей старой колодой карт, которая принадлежала улыбчивому пациенту. Временами к ним во время игры подходил санитар, то один, то другой, и, желая подшутить над сумасшедшими, грозно предупреждал:

– Опять в больнице затеяли азартные игры! Вот сейчас отниму у вас карты, будете знать!

Эта угроза всех четверых душевнобольных приводила в тихий ужас, они тут же сворачивали игру, прятали карты в карманы, за пазуху, а санитар, в очередной раз припугнув их, весело хохоча, отходил от стола.

Психиатрическую больницу Р. принял, как своего рода убежище, где его могли, наконец, оставить в покое его дикие видения, лишавшие его душевного равновесия, спокойствия, где он никогда не находился один, даже если бы стремился к этому, всегда рядом были люди, люди в халатах, люди без халатов, но когда он вскакивал среди ночи с диким криком от приснившегося кошмара, рядом с ним справа и слева вскакивали и его соседи по палате, с проклятиями отвешивали ему затрещины, чтобы не мешал спать, и это его, как ни странно, успокаивало лучше всякого успокоительного, он чувствовал поддержку и понимание ближних своих. Санитары в это время спали в своем закутке и никого среди ночи успокаивать не собирались.

Р. поставили диагноз: мания преследования. Но, не мудрствуя лукаво, консилиум врачей-психиатров избрал старую, добрую, распространяемую ими на всех пациентов больницы аутоиммунную теорию возникновения и развития шизофрении, когда иммунная система аномально активна. Консилиум в больнице собрался по просьбе Заура, и, начиная с молодых врачей, вчерашних студентов и кончая профессором-главврачом, все высказали единодушное мнение: Р. требуется лечение от неизлечимой болезни.

Это было единственное неудобство в больничной жизни для Р. – лечение. Ему кололи очень болезненные уколы, и это на целый день вышибало Р. из числа игроков, лечение мешало течению спокойной жизни в стенах лечебницы, к которой Р. уже стал привыкать.

– А что ты думал? – сердито выговаривал ему, своеобразно успокаивая, нервный пациент, товарищ по игре. – Это же не курорт. Нас всех лечат. На то и сумасшедший дом.

– Сумасшедший дом, – удивленно повторил Р. – Неужели?..

– А ты и не знал, бедняжка, – все более распаляясь, продолжал собеседник. – Но скоро нас распустят. Будут каникулы, и нас отпустят по домам. И никто уже не заставит нас надевать маски. Вот посмотри, уже трое задохнулись во сне от масок... И вообще... – нервный собеседник приблизился к Р. на опасное расстояние, и Р. немного отодвинулся, стараясь, чтобы его движение не показалось бы товарищу оскорбительным. – Я должен вам сказать, – перешел нервный пациент на шепот и вместе с шепотом почему-то на «вы», вновь приблизив лицо к уху Р., который уже не стал отодвигаться от него. – Вот этой моей ноге снятся нехорошие сны, даже кошмары снятся. Но пусть не думают, – вдруг повысил он голос до крика, – пусть не думают, что я дам её ампутировать! Ни за что! Я в суд на вас подам!

Р. понял, что пришла пора ретироваться, иначе говоря – делать ноги, пока и ему не решили их ампутировать, и осторожно покинул крикливого пациента. И так как Р. больше ни с кем из больных старался не общаться, он вынужден был время от вре-

мени выслушивать подобные признания от близкого круга знакомых душевнобольных.

Через месяц выздоровевшей Лоле было разрешено покинуть квартиру, и она вспомнила о несчастном Р., хотя ни на минуту не забывала о нем. За время их обоюдного общения, за долгие месяцы, которые ей порой казались пролетевшими, как одна минута, а иногда – длившимися бесконечно долго, когда счастливые минуты любви её к Р. плавно переходили в часы нежных объятий и поцелуев – время шалило, меняло свою суть, иногда вообще исчезало, проваливаясь глубоко в счастье – потом в дни, когда они не могли расстаться друг с другом даже ненадолго – бывало и так – и, как молодые влюбленные, ходили по улицам, по паркам, по бульвару, держась за руки, и она отчетливо ощущала, как её охватывало желание, все сильнее, все больше, истомой разливалось по всему телу, словно рука его излучала токи, пробуждающие любовь, бурлящие соки любви, и иногда в такие минуты, если они оказывались где-нибудь наедине, они, посмотрев в глаза друг другу, останавливались и начинали страстно целоваться, не в силах отлипнуть друг от друга, и однажды, когда такое произошло, она сказала полусуто: ты смотри, как молодые, и он тут же ответил, будто ждал этой её фразы: а мы и есть молодые, а она тогда сказала, будто ждала его реплики: потому что любят наши души, а уже потом тела, правда? Тогда он не ответил, но и возражать не стал... И такие дни складывались в недели... недели счастья, недели и месяцы безмерного счастья, когда их тела были опустошены от этого счастья и любви, а души не находили слов и утомленно молчали, понимая, что любые слова теперь излишни, они слились и, казалось, навсегда, в одно целое. С ней такое происходило впервые, несмотря на уже (как бы сказать, чтобы не обиделась?) далеко не юный возраст, и потому запомнилось, и потому эту любовь она хотела сохранить надолго, навсегда, и жить долго и счастливо с ним, как в сказке, но... То, что случилось с ним, было настоящей бедой, и она не в силах была противостоять этой беде, бороться с этим несчастьем. Но твердо решила, что не оставит его, будет заботиться о нем, сделает все, что в её силах...

Лола позвонила Зауру, и они договорились о времени, когда можно будет пойти навестить Р.

Р. встретил её удивительно спокойно, сдержанно, будто вчера расстались, не высказал никаких эмоций, заметно стесняясь, оглянулся на больных, прилипших к окнам в коридоре второго этажа, выходящим на этот маленький дворик больницы, где происходило свидание Лолы с Р., и внимательно наблюдавших за ними. Во дворике была маленькая скамейка.

– Давай сядем, – предложила Лола.

Они уселись на скамейку, которая находилась под навесом во дворе, и сумасшедшие остались крайне недовольны, потому что теперь, под навесом, на скамейке, их не было видно из окон коридора мужского отделения. Душевнобольные, ворча, разошлись.

Лола взяла Р. за руку, он чуть отдернул, не закончив жест, но руку не стал отнимать; тем не менее, поняв, что ему так некомфортно, она убрала руку и сказала:

– Как ты здесь?

– Хорошо! – ответил он, суетясь, нервно, торопливо, почти не дав ей возможности закончить фразу.

Они помолчали.

– Ты немного поправился, пополнел, – сказала она. – Я не видела тебя таким, – она попыталась улыbnуться.

– Ты напрасно ходишь в этой маске, дорогая моя, – сказал он. – У нас от масок трое уже задохнулись. Умерли. Похороны в среду. Но я не пойду. Мне делают уколы, но это не помогает, потому что мне не уколы их нужны, а нужно просто прогнать этих женщин, которые приходят с колясками, с мертвыми детьми в колясках, прихо-

дят и стоят под окнами, и с улицы, и здесь, даже во дворе... Куда только охрана смотрит! – он говорил лихорадочно-торопливо, проглатывая окончания слов, будто боясь, что она перебьет его, и он не успеет высказаться до конца, и вдруг замолчал, помолчал немного – она ждала, не вторгалась в паузу – и потом спросил:

– А где я буду жить, когда меня выпустят отсюда? Ты что, плачешь? Болит что-то?

– Я позабочусь... – сказала она, не в силах договорить до конца.

– Нам сегодня разрешили телевизор, – сказал он, поёрзав на скамейке. – Ты немного не вовремя пришла, дорогая моя. Не было никаких неприятностей со стороны больных, все вели себя хорошо, и нам разрешили телевизор, дорогая моя, его, наконец, уже включили, – беспокойно проговорил он, поднимаясь со скамейки.

– Возьми, – она протянула ему приготовленные деньги. – Здесь понадобятся. Я пришла бы и раньше, но после выздоровления была на карантине, мне только сегодня разрешили выходить. У нас теперь СМС-разрешения...

Увидев деньги, он, будто что-то вспомнив из той, прежней жизни, поинтересовался:

– А как твои дела? – и это прозвучало так обыденно-нормально, что она не удержалась и внимательно посмотрела ему в глаза, и, не заметив в них никакого сумасшедшего блеска, никакой лихорадочной суетливости во взгляде, присущих душевнобольным, поняла, что это временное просветление и с ним сейчас можно говорить, как с нормальным, разумным человеком.

– Да как сказать, – начала она, все же беспокойно поглядывая на него. – Работы, можно сказать, нет, все ведь закрыто, салоны, рестораны... Девочки работают сами по себе, ходят по домам к своим старым клиенткам, а салон не получает никакой прибыли, а ведь еще за аренду платить надо... Ой, что-то я заболталась. Ты не подумай чего... возьми деньги, пригодятся тут...

Он равнодушно поглядел на деньги и вдруг, как бы вспомнив, сказал:

– Нет, мы здесь играем на пуговицы. У тебя не найдется штук десять, штук двадцать пуговиц?.. А то я уже четыре проиграл...

Она сунула деньги в карман его больничного халата, поднялась и торопливо покинула двор больницы.

Лола оставила машину возле больницы, Заур, проводив её сюда и познакомив с главврачом, который, в порядке исключения, разрешил свидание с больным во дворе клиники, ушел по своим делам. Лола, выйдя на улицу, плохо видела от слез, все расплывалось перед глазами, и она не решилась сесть за руль. Она села в первое попавшееся, дежурившее возле ворот больницы такси и поехала домой. В машине она, не в силах сдержаться, громко зарыдала. Таксист, посмотрев на нее через зеркало в салоне, понимающе покивал.

– У меня племянник здесь лечился, – сказал он. – Совсем молодой парень. Теперь, вроде, получше ему...

Лола, не слушая его, продолжала плакать.

Многие отговаривали Лолу, начиная от близких подруг в салоне, уже долгие годы знавших её, и кончая домработницей Зульфией, советовали отказаться от своего решения забрать к себе и заботиться о неизлечимом больном, но она оставалась непреклонной.

– А что, если он опять начнет пить? – резонно спрашивала Зульфия. – Там закрытая больница, и у него не было возможности, а тут, на воле... Думаете, мы сможем помешать? Видала я алкоголиков... зарезать могут за стакан водки...

– В таких случаях ничего нельзя планировать заранее, – удрученно отвечала Лола, и глядя на её растерянный вид, нерешительные взгляды, что бросала она на собеседника, можно было подумать, что вот, стоит еще немного нажать на неё, доказывать еще убедительнее, и она сдастся, поймет, насколько глупо и пагубно её не-

обдуманное решение. – Время покажет...

Но она решила про себя твердо, бесповоротно, и чувствовала, заранее ощущала тяжесть той огромной ответственности, что брала на себя, но и сбрасывать эту ответственность, трусить перед ней не собиралась: это была её последняя любовь, и ей казалось, что сейчас отвернуться от него было бы предательством.

– Он может превратить твою жизнь в настоящий ад, – говорил ей Заур. – Ты не знаешь таких сума... больных, они неуправляемы.

– Моя жизнь уже превратилась в ад, когда он заболел, – говорила Лола. – Что может быть глубже этой беды?

– Ты, Лолочка, сними ему комнатку и приставь человека, пусть ухаживает за ним, у себя не держи, – советовала близкая подруга Лолы, менеджер в её салоне, которую она знала с юных лет. – Бог знает, на что такие больные способны. Он не буйный?

С Р. происходили странные вещи: порой, когда наступало просветление, и он вполне мог нормально думать и разговаривать, он с ужасом оглядывался кругом, не понимая, как он сюда попал, за что его здесь держат и почему не выпускают, почему он не может идти, куда хочет, ведь он не такой, как все тут его окружающие. Он со страхом смотрел на своих товарищей по несчастью, боясь, что поняв, что он отличается от них, что он вполне нормальный человек, не такой, как все здесь, они вдруг набросятся на него или зарежут ночью во сне. Но просветления среди болезни наступали все реже и длились все меньше, как полоски света, мелькавшие между вагонами набравшего скорость поезда, и он вновь возвращался к своему обычному состоянию, говорил глупости, боялся, что в его порцию супа, который готовят в столовой, повариха влила сильный яд, что старуху с мертвым младенцем в коляске ночью нарочно пропустят в палату, где он спит, и старая ведьма уложит недышащее тельце рядом с ним в его постель...

И вот пришел день, когда врачи в больнице посчитали, что дальше держать Р. здесь, в больнице, не имеет смысла, он чувствовал себя немного лучше, и не было необходимости ему занимать чужое место в лечебнице.

Лола привезла его к себе.

В первый день, когда, приехав из больницы, он вошел в её квартиру, казалось, он даже немного растерялся, он с жалким видом оглядывал богато обставленную просторную квартиру и было видно, что он давно отвык жить в человеческих условиях: Р. весь словно съезжился, стал даже меньше ростом, боялся сделать лишнее движение, чтобы что-нибудь не задеть ненароком, не сбить, не поломать. Лола смотрела на него, и пронзительная жалость охватывала её сердце, она вспоминала его лучшие дни, когда они только стали встречаться, и когда он вел себя так, будто был хозяином жизни, и все ему было по плечу, когда он мог осчастливить любую женщину, когда всем нравился и своим неповторимым шармом, и манерой говорить, умением производить эффектное впечатление, и это все надолго запоминалось людям, особенно женщинам, с которыми он общался. Теперь же, в своей старой убогой одежде, он производил впечатление бедного родственника, который пришел просить в долг небольшую сумму на пропитание.

Лола провела его в одну из комнат, которую заранее вместе с Зульфией приготовила для него.

– Здесь ты будешь жить, – сказала она Р. – Тебе нравится? Если что-то нужно поставить в комнату дополнительно, скажи... Эти цветы тебе нравятся?

– Мне неловко, что я доставляю тебе много хлопот, – сказал он. – И те деньги, что ты дала мне, они у меня, я их не потратил. Вот, – сказал он и, вытащив из кармана, показал ей деньги. – Может, мне просто снять где-нибудь комнатку подешевле, как ты думаешь? Я не хочу обременять...

Она не дала ему договорить.

– Глупости, – отрезала Лола. – Живи, сколько хочешь... И потом, как ты можешь обременять меня?! Мы были мужем и женой, ты не забыл? Мы и сейчас муж и жена. И я должна заботиться о тебе...

– Не говори так! – вдруг рассердился он. – Я сам могу о себе позаботиться!

– Конечно, милый, – согласилась она. – Я просто хочу всегда быть рядом. Если не возражаешь... А?..

– Не возражаю, – ответил он хмуро.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Вот здесь у тебя телевизор, есть интернет, это хороший компьютер, я недавно купила... А в гостиной есть пианино, и, если хочешь, можно перенести его сюда...

– Нет, не хочу, – он помотал головой, посмотрел в окно долгим, задумчивым взглядом, будто её слова о пианино напомнили ему лучшие дни, когда его жизнь была наполнена настоящим, радующим сердце творчеством, улыбнулся, вспоминая, с улыбкой посмотрел на неё: – Спасибо, дорогая моя...

Услышав эти слова, Лола невольно прослезилась, но, не желая показать вида, сказала:

– Мне надо идти по делам, сейчас всего на три часа разрешают покинуть квартиру, а ты располагайся, отдыхай. Если что нужно, скажи Зульфие, она сделает...

И Лола ушла. Р. подошел к окну, посмотрел на улицу почти без прохожих, увидел выходящую из подъезда Лолу, потом, не раздеваясь, прилег на диван.

Дверь распахнулась без стука, и заглянула в комнату Зульфия. Р. тут же, как по команде, вскочил с дивана, будто совершил нечто предосудительное, валяясь без разрешения на диване: сказывался привычный страх перед персоналом, оставшийся в нем с больницы. Этот жест не скрылся от внимания служанки, и она понимающе тонко усмехнулась.

– Что вам на ужин приготовить?

И тон, с которым она обратилась к Р., был не грубым, конечно, но гораздо более раскованным, чем когда она разговаривала с Лолой. Р. не стал вдаваться в такие тонкости, но не знал, что ответить и пожал плечами.

– Ну? – сказала Зульфия в ожидании его ответа.

– Я не знаю, – сказал Р. – Все, что хотите...

– Из готового есть долма и вчерашний борщ, – доложила она.

– Хорошо, – лаконично ответил Р., и Зульфия, прикрыв за собой дверь, отправилась на кухню.

Р. включил компьютер, вспомнив свои лучшие дни, вошел в интернет и постепенно увлекся, вспоминая прежнюю, нормальную жизнь, когда он ни дня не мог прожить без информации из Интернета.

Закончив дела, Лола торопливо вернулась домой, будто оставила дома непослушного ребенка, который любил играть со спичками. Р. встретил её добродушной, спокойной улыбкой (она все еще с опаской вглядывалась в выражение его лица, его глаз, ища следы совсем недавней сумасшедшинки, и, не находя, каждый раз облегченно вздыхала про себя, чувствуя, как покидает её утомительное напряженное состояние), неловко, отвыкнув, поцеловал в щеку, когда она приблизилась к нему.

– Ты ужинал? – немного запыхавшись оттого, что, не дождаввшись лифта, торопливо поднималась пешком по лестнице, спросила она. – Зуля покормила тебя?

– Я хотел дожидаться тебя, – сказал он, и это напомнило ей былые счастливые дни и переполнило радостью.

– Мы будем ужинать в гостиной, – сказала она. – Да?

– Может, в кухне? – нерешительно предложил он. – Там так уютно...

– Хорошо, дорогой, – сказала она. – У меня есть отличное шампанское, может, отметим твоё возвращение, – предложила она неосторожно, и тут же осеклась, с опа-

ской бросив на него взгляд: как он среагирует.

– Я не пью, – сказал он очень просто, как она могла бы сказать: я не ем хлеба, чтобы не пополнеть.

– Ну и отлично, – сказала она. – Я тоже.

Они пошли в кухню, где Зульфия уже расставила приборы, и сели за стол.

– Спасибо, Зуля, – сказала Лола.

– Спасибо, Зульфия, – как эхо повторил он вслед за ней.

– Ты можешь идти, – сказала Лола. – До завтрашнего утра. Придешь к одиннадцати.

Её предложение не обрадовало домработницу, как ожидала Лола. Она немного помялась, потом, нагнувшись к самому уху хозяйки, очень тихо спросила:

– Точно? Мне уходить? – и незаметно бросила опасливый взгляд в сторону Р., невозмутимо крошащего хлеб в тарелку с супом.

– Да, да, – покивала Лола, понимая, что Зульфия беспокоится за неё.

И домработница покинула их.

– Ты помнишь, – проговорил за ужином Р., – я как-то предсказывал эту болезнь, пандемию?

– Да, – сказала она. – Слава Богу, кажется, у нас в стране пошло на спад...

– Так вот, со мной это повторилось. Это редко бывает. Но было мне еще одно откровение, или видение, не знаю, как точно сказать...

Его слова насторожили Лолу, но она постаралась не показывать вида.

– И что это за новое предсказание, господин ясновидящий? – постаралась пошутить она. – Ты бы лучше погоду предсказывал, а то я вышла сегодня без зонтика, и вдруг полил такой ливень, а я без машины...

– А почему без машины? – спросил он, и она немного отошла, напряжение вновь покинуло её, ей понравилась будничность вопроса.

– В ремонте. Ну и как? Скажешь, что новое привиделось?

– Не сейчас, дорогая моя, – несколько таинственно проговорил он.

– Тебе нравится? – спросила она после паузы.

– Что? – не понял он.

– То, что ты ешь.

– Да, очень вкусно... – благодарно покивал он. – Я отвык от вкусной еды.

– Привыкнешь. Зульфия прекрасно готовит, намного лучше меня.

Потом они продолжили молча есть.

– Я часто думаю... – сказал он.

– Да, дорогой. О чем?

– Нет, просто я хотел сказать, что я часто думаю, – сказал он, улыбнувшись.

– Хорошо. Ты не утратил чувства юмора, – сказала она, поздно сообразив, что эта фраза могла не понравиться ему.

Ночью он лежал в постели и думал о том, как невыносимо тяжело жить, постоянно ожидая, что опять это случится с ним, опять навязчивые идеи, кошмары будут преследовать его, опять он будет метаться, валиться без сил на пол, биться головой, как случалось в сумасшедшем доме, и опять его будут связывать, колоть уколы, от которых ему не становится лучше, и потом, когда наступит, наконец, просветление, когда ум его вернется к нормальной жизни, ему будет мучительно стыдно смотреть в глаза окружающим, видевшим его ненормальное поведение, смешное для невольных свидетелей и невыносимо жуткое, убийственное для него. И как можно дальше жить, если он обречен терпеть эти перепады из состояния невменяемости в спокойное человеческое состояние, когда притихший, как школьник после наказания, он не смеет смотреть в глаза людям, в глаза Лоле? И разве это можно будет называть жизнью, это его жалкое, бесправное существование, когда с минуты на минуту, каждый час, каждый день со страхом ждешь, что вот опять приступ, опять на-

катит необъяснимое состояние невменяемости, сумасшествия, идиотизма...

Так он думал, лежа один в постели, и мысли эти отгоняли прочь сон, и он терзался от пронзительного сознания никчемности своей жизни, на которую обрушилась страшная, неизлечимая болезнь; так он думал, размышлял о своей ненужности на этой земле, в этой жизни, когда в его комнату вошла Лола.

Р. почти забыл, что он в гостях у Лолы, и неожиданный её приход заставил его послушно вскочить с постели. У неё сжалось сердце от жалости, она была потрясена, он вел себя так, словно был прислугой, которую хозяйка дома застала за предосудительным занятием, и боялся, что его накажут; Лола тихо подошла к нему, протянув руку, погладила по щеке, прижалась к нему, уложила вновь в постель и легла рядом. Некоторое время они оба молчали, она обняла его.

– Я давно не был с женщиной, ты же понимаешь, – сказал он, весь дрожа и тяжело переводя дыхание.

– Да, – сказала она, – понимаю, – и прижалась к нему всем телом. – Ты быстро все вспомнишь...

Потом они лежали в постели утомленные, почти засыпая, и она спросила с нескрываемым любопытством:

– Все же скажи мне, что на этот раз ты увидел в будущем? Мне интересно. Это опять касается всего человечества или только нас с тобой?

– Только меня, – сказал Р. и, не желая развивать дальше эту тему, прибавил. – Я засыпаю.

И в самом деле через минуту уснул. Она, прислушавшись к его дыханию, вспомнила их прежние ночи: он тихо, еле слышно посапывал во сне, как младенец.

Несколько дней Лола с затаенной тревогой присматривалась к поведению, к разговорам Р. – не появятся ли странности, признаки болезни. Порой у него были приступы легкой депрессии, когда он старался уединиться в комнате, чтобы его не беспокоили, сидел, уткнувшись в одну точку, или смотрел в окно, непонятно на что на улице и болезненно, нервно реагировал, когда кто-нибудь открывал дверь, вторгался в его одиночество, нарушая его затворничество; запереться он не мог, это было бы вызывающим жестом в чужом доме, но его нервировало, когда бесцеремонно входили без стука в комнату, а то, что он считал себя в чужом доме, зная, что такое признание обидит Лолу, не покидало его все время, пока он жил у неё. Лола, заметив невольную мимолетную гримасу недовольства на его лице в такие минуты, перестала беспокоить Р., наказав домработнице не входить к нему ни под каким видом, если что нужно, он сам даст знать. Но длились такие приступы недолго, проходило несколько часов, и Р. вновь возвращался к своему нормальному состоянию, нельзя сказать, что слишком уж общительному и разговорчивому (он был совершенно немногословен, говорил только по необходимости), но было заметно, что временная одичалость и приступ депрессии прошли, и он возвращается к привычному быту. И вот когда он вновь возвращался к обычной жизни, она, выждав, когда у Р. было нормальное – чтобы не сказать, хорошее – настроение, приставала к нему шутивно, чтобы он рассказал ей о своем видении, о том, что произойдет с ними, с ним. Ей, после того, как она стала свидетелем, как оправдалось его предсказание насчет пандемии, было в самом деле очень интересно узнать, что же посетит его на этот раз, какие видения.

– Я тебе скажу, если пообещаешь не пичкать больше меня этими лекарствами, – сказал Р., – от них мне не лучше и не хуже, но зачем принимать, если не становится лучше? – резонно заметил он.

Лола, свято веря в силу и помощь психотропных средств, которые прописали по выходе из больницы Р., строго-настрого наказав следовать предписанию врача, в первые дни настаивала, чтобы он принимал лекарства, даже видя его недовольное лицо при таких разговорах; она в подобных делах была аккуратна и верила врачам, и сама, заразившись и проболев две недели коронавирусом, аккуратно принимала

все прописанные лекарства, убедив себя, что именно эти лекарства послужили для её выздоровления. Но Р. трудно было убедить в том, в чем была убеждена она. Он не верил в лекарства от душевной болезни и, как говорится, в трезвом уме ни на минуту не переставал считать себя именно душевнобольным, как бы ни горько было это сознавать; и во все время, что жил теперь у Лолы, активно искал и читал в интернете все сведения о своей болезни, и почерпнул немало информации о психических болезнях и отклонениях в поведении больных, и пришел к заключению, что надо смириться с наказанием божьим, и никакие лекарства от этого наказания не спасут. Но в то же время и смиряться он не собирался, и в воспаленном мозгу Р. возникли новые планы на дальнейшую жизнь, на дальнейшее существование. То, что он долго не сможет и не будет жить у Лолы, он давно уяснил для себя, но никогда об этом не заговаривал с ней, не желая её огорчать.

– Хорошо, – явно неохотно пообещала Лола. – Обещаю, хотя считаю это неправильным. А теперь признавайся, что нас ждет... – и она улыбнулась ясной, лучезарной улыбкой, которая так нравилась ему раньше, но теперь оставила равнодушным, улыбнулась, давая понять, что не совсем верит его предсказаниям, несмотря на то, что стала свидетелем, когда он предсказал обрушившуюся на мир пандемию неизвестного вируса.

– Ну, ладно, – сказал он с таким видом, словно собирался рассказывать долгую историю. – Это касается только меня...

– Как жаль, – перебила она его.

– Жаль чего? – спросил он, недовольный, что его перебили.

– Что меня там нет, – сказала она, отводя от него взгляд.

– Когда ты узнаешь, в чем дело, поймешь, что тебя там и не может быть. Мне продолжать, или ты будешь еще перебивать, – раздраженно проговорил он.

Она молча помотала головой.

– Я тогда понял... – не совсем понятно начал он, но она остереглась перебить его на этот раз, – понял, что должен уехать... далеко... Мне надо уехать в Бразилию... Там Пауло да Роса... Знаменитый бразильский игрок. Я списался с ним по интернету, после того, как мне было видение... Я видел его так живо. Он приглашает меня. Я должен сыграть с ним. Он чемпион. Но я знаю, я уверен, что выиграю. Что ты так смотришь? Ты не думай, мне деньги не нужны, он сам меня приглашает, все будет оплачено, я только жду его вызова.

Она, не отвечая, вновь невольно покачала головой. Долго смотрела на него. У него был напряженный взгляд, будто он что-то очень важное обдумывает. Потом она сказала:

– Мне надо сделать несколько важных звонков, если хочешь есть, не жди меня, Зульфия тебя покормит... Я буду у себя, – и Лола вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Он даже не обернулся.

Она не отказывалась от борьбы за него, виделась с известными врачами-психотерапевтами, очень в этом помог ей Заур, у которого был обширный круг знакомых врачей, что охотно отзывались на его приглашения и старались помочь, но говорить со всеми ими приходилось только Лоле, а это было неприемлемо: врачи, вполне естественно, хотели видеть пациента, говорить с ним. Р. же не подпускал близко к себе никого, и всякий разговор с Лолой, который превращался в увещевания и уговоры, вызывал у него вспышки ярости и гнева, по-настоящему пугавшие её.

Проходили дни и недели. Р., одержимый своей новой идеей, часто говорил сам с собой, довольно громко обсуждая предстоящую поездку и турнир карточной игры в Сан-Паулу, где живет бразильский чемпион. Ему становилось заметно хуже, но вел он себя спокойно, и Лола жила в постоянном напряжении, не зная, что предпринять: отправить обратно в лечебницу, или снять ему комнатку и нанять прислугу, которая присматривала бы за ним. На ночь, после ухода Зульфии, она стала запирается в

своей комнате.

Однажды Лола вернулась домой необычно возбужденная, веселая, ворвалась к нему в комнату и с порога радостно крикнула:

– Мы победили! Победа, Р.! Наша армия освободила Карабах! Конец войне!

Р. непонимающе уставился на неё.

– Победили?

– Ты что, не включаешь телевизор? Ты хоть в окно посмотри, что творится на улицах! Мы освободили Карабах! Ты же сам предсказывал! Вот, твое предсказание сбылось! Карабах освобожден от захватчиков! – её охватила острая досада, хотя она не надеялась на его нормальную реакцию по поводу этой радостной вести, которая всколыхнула её, как и весь народ – победа, долгожданная победа! – и этой радостной вестью она, естественно, хотела в первую очередь поделиться с самым близким человеком. Но не получилось. Этот самый близкий человек жил в своем собственном мире, в ненормальном мире, и его нельзя было упрекнуть, болезнь мешала ему оглянуться и увидеть другой, реальный мир вокруг него.

Лола с досадой прикрыла его дверь, не мешая ему уходить в дебри сумасшествия, хорошо понимая, что и не в силах была бы помешать.

Р. замечал напряженные взгляды Лолы, которые она мимоходом бросала на него и старалась смягчить, видя его открытый, насмешливый, вполне нормальный встречный взгляд, слышал намеренно громкое ворчание домашней прислуги в кухне, когда хозяйки не было дома и Зульфия могла вдоволь жаловаться самой себе: «Когда этого психа заберут обратно, когда он к чертям собачьим покинет нас, хозяйка совсем извелась, бедная, из-за этого ненормального к нам перестали гости приходиться, а какой был раньше дом – смех, радость, полно людей, несмотря даже на карантин – и Лоле грусть-тоску сбивали, она забывала о нем и была весела, любо-дорого смотреть... а теперь...»

Р. слышал все её слова, потому что её негодование и было рассчитано на то, чтобы быть услышанным, но оставался абсолютно спокоен, так как уже пришел к твердому решению. И это решение он лелеял, рассматривал и обдумывал его со всех сторон и все больше и больше убеждался, что верно принял его. В Бразилию, в Бразилию!.. Там ждет его Пауло да Роса, знаменитый игрок, который никогда не проигрывал... а посмотрим, как с ним, с Р., он справится... Он уже недели две вел невидимую, тайную переписку со своим далеким соперником, и от длительной тренировки колода карт, которую он припрятал втайне от Лолы, превратилась в трюпичную, негодную теперь для игры, но, тем не менее, он по ночам долгие часы подряд вел игру в уме, утомлялся, немного передохнув, продолжал и, обессиленный, засыпал и во сне видел карты и своего коварно ухмылявшегося противника, уверенного, что победа будет за ним.

Лола все еще пыталась наладить с ним хотя бы прежний слабый контакт, но видела, как он безнадежно с каждым днем все больше отдалялся от неё, запирался в комнате и, тихонько приложив ухо к двери, можно было услышать его негромкое, лихорадочное, невнятное бормотание, будто он спорил с кем-то...

В короткие промежутки, когда ум Р. прояснялся, он с ужасом обнаруживал себя на темном, непроницаемом дне беспробудного безумия, понимал, ясно осознавал, что болен, что безумен, что подобных минутных прояснений, ничего не приносящих, кроме жуткого ужаса, пронзительного осознания неизлечимости своей болезни, не ожидается в дальнейшем, что он – обуза, проклятие для каждого, кто захочет заботиться о нем, захочет посвятить свою жизнь ему, и Р. все больше убеждался – вот вновь наплыла, накрыла его со скорбной его головой волна – что принял правильное решение: уехать, убраться отсюда, никому не мешать... Ему никто не нужен, так же, как и он не нужен никому...

И однажды среди ночи, когда Лола тревожно спала в своей комнате, а домработница Зульфия, в последние недели остававшаяся в доме хозяйки на всякий непредвиденный случай, спала на раскладушке в кухне крепким здоровым сном домработницы, Р. потихоньку встал с постели, на которой не мог заснуть уже несколько ночей, обдумывая нечто, обсматривая нечто, не поддающееся описанию нечто, оделся...

Он оглядел свои старые лохмотья, изношенные ботинки, протертые почти до дыр брюки, засаленный пиджак, старье, что не позволил Лоле выбрасывать, и решил не надевать их. А надеть новый костюм, что Лола купила ему в первый же день, когда он переехал к ней, дорогой костюм с ремнем Бали, который привезли из дорогого магазина вместе с шелковой рубашкой с запонками Дюпон (эти полузабытые атрибуты смутно, весьма туманно напомнили на мгновение Р. былые времена, когда он любил модно одеваться и мог сам себе покупать дорогую одежду), он только однажды надевал костюм, чтобы порадовать Лолу, которая просто расцвела и даже прослезилась, дурочка, когда увидела его тщательно побритым, пахнувшим дорогим одеколоном и разодетым, как принц (правда, довольно пожилой и потрепанный жизнью принц); но это было только раз, когда, поддавшись увлечению и желая сделать ей приятное, он оделся как на демонстрации мод, даже Зульфия тогда, увидев его таким преображенным, восхищенно поцокала языком; во все остальное время он ходил по квартире в халате и не имел никакого желанья, часто впадая в депрессию, показать нос на улицу.

Теперь он тщательно оделся (ей будет приятно, – подумал он машинально), попрыскал себя одеколоном, но бриться не стал, многодневная борода, по мнению Лолы, очень шла ему, и сейчас выглядел в новом костюме как успешный бизнесмен средней руки – пусть там, в Бразилии, знают наших!

Он поначалу хотел оставить Лоле письмо, чтобы не волновалась, все-таки она любила его, и он тоже, как умел, отвечал взаимностью (теплая волна при этой мысли прихлынула к сердцу), но получилась только короткая записка на экране монитора, больше у него не нашлось слов.

«Я уезжаю в Бразилию, в Сан-Паулу, на чемпионат по картам. Не беспокойся за меня. Приеду чемпионом. Ты будешь гордиться мной, дорогая моя...».

И Р. тихонько, на цыпочках (как вор, укравший костюм, – подумалось ему), вышел из квартиры, плотно, бесшумно прикрыв за собой входную дверь.

Шел проливной дождь, и сильный ветер валил с ног, и он пожалел, что надел такой дорогой костюм, теперь он испортится, но усмехнулся этой нелепой мысли и торопливо, насколько мог, против ветра зашагал по улице. Было еще темно, ночь продолжалась...

Труп Р. обнаружили через сутки в море, свирепый северный ветер хазри, бушующий вот уже два дня, поднял огромные волны на Каспии, труп отнесло далеко от берега, от приморского парка, бульвара, на котором они с Лолой так любили гулять, предвкушая предстоящую ночь любви, ночь счастья и бесконечно долгую жизнь, дорогая моя...